

Павел Козлофф

**По Мясницкой
по улице Кирова**

Москва
2018

Нас не уронят

Об авторе и его стихах

*Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ и Союза российских писателей.*

К 11 Павел Козлофф

По Мясницкой по улице Кирова: стихотворения. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. – 144 с.

ISBN 978-5-00095-599-4

Писатель Павел Козлов – это пять изданных книг, содержащих романы, повести и рассказы, с интересом встреченных читателем, положительно отмеченных литературной критикой. Его не раз определяли как автора «музыкальной прозы». В данной книге Козлов предстает уже чистым стихотворцем. Интеллигентно-ироничным, самобытным, бесспорно интересным. В его стихах нет и тени вторичности, и даже перепевки извечных поэтических тем звучат у автора по-своему.

Свои стихи автор слышит. И переносит на бумагу, лишь оформив услышанное мысленно и убедившись, что в звучании нет фальши.

Литературовед Евгений Маликов написал в одной из рецензий в газете «Завтра»: «В чем прелесть книг Павла Козлова? Он отсылает нас к тому славному времени, когда даже наедине с собой люди читали вслух, а слово звучало. Такой текст, даже читаемый про себя, есть слово звучащее, а оно и есть БОГ».

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6.5

ISBN 978-5-00095-599-4

© Козлофф П., 2018
© Лесин Е., предисловие, 2018
© Оформление.
ИПО «У Никитских ворот», 2018

Павел Козлофф более известен, наверное, всё же миру балетному, нежели сугубо литературному. Все-таки он был солистом балета в музыкальном театре им. Станиславского, работал и в США – в группе «Колорадо-балет» (педагогом и балетмейстером). Однако относительно недавно года склонили его к относительно суровой прозе. Относительно – потому что он уже издал несколько замечательных – и замеченных – книг. Криминальную драму «Роман для Абрамовича», сборники повестей и рассказов. А сурова его проза тоже относительно – она слишком музыкальна. Она ритмизованна. Написана стихами, иногда рифмованными, иногда – нет.

Теперь Павел представляет широкой читающей публике именно стихи.

Те, что «в столбик».

Я был на его выступлении в ЦДРИ (Центральный Дом работников искусств). Читает он великолепно, слушали его с восторгом. Но стихи – жанр гораздо более камерный, чем тот же балет. Стихи лучше читать, а не слушать. Один на один. На Западе, если что, идут к психологу. У нас – к приятелю на кухню, чтобы распить бутылку-другую. Стихи – часто – могут заменить упомянутого приятеля с бутылкой. И похмелья нет. И читать можно не один, а сколько угодно раз. Ну разве, например, подобное может не утешить?

*Мне для решительного шага
Совет был в молодости дан:
Вас ждет Париж, вас ждет Гаага,
Вас ждет стремительный роман.
Сорокаградусная влага
И самый лучший ресторан.*

*С тех пор прекрасная Гаага
Все ждет решительного шага!*

Вот что я вам скажу, уважаемые Париж и Гаага, – не дождетесь. А знаете почему? Да потому что есть такая земля – Москва.

*...И, Садовым кольцом опоясанный,
Задержусь возле Красных ворот.
Пусть погода сегодня не ясная,
Но я слышу, как сердце поет.*

Козлофф – удивительно московский поэт. Живет и родился в Москве, тут все понятно, но он еще и живет Москвой, ее духом и ее буквой:

*В метро сегодня, окрыленные,
Все с красной ветки на зеленую.
Да и с оранжевой на синюю
Все молодые и красивые...*

Не всё и не всегда, увы, так радужно. В любимом городе и упасть можно. Скользко. Плюс вечная стройка. «Улучшения» и «благоустройство», когда они уже кончатся наконец!..

*Кто вас придумал, плиты тротуарные!
Для истребления народа он был прав!
Отсюда переломы рук ударные
И в гипсе тазобедренный сустав.*

*Пока до «скорой» я страдал на Баррикадной,
У перехода на коварном вираже,
Народ все падал, поднимался, снова падал
И обессилевал опять вставить уже.*

Поэт падает, ему больно, а мы улыбаемся. У него на-

стоящий перелом, но стихотворение шуточное. Оно и ему помогло, уверен, и нам может помочь.

В сборнике Павла вы встретите не только нашу любимую Москву, но и другие города и страны (не менее прекрасные), в сборнике множество самых разных имен и лиц, невероятно интересных. Они поэту как родные, как близкие приятели.

А все же от Москвы не уйти. И не надо, я считаю:

*Изъезжен город славный мой, исхожен,
Маршруты все изведаны, пути.
Одно меня порой желанье гложет –
От Пушкинской до Сретенки пройти.*

*Ночная тишь машинный шум стреножит,
Встревоженному эху нет конца,
И вряд ли где найдешь конец, похоже,
Безлюдного Бульварного кольца.*

Павел не сатирик и не юморист, в его стихах лишь добрая усмешка, и всегда, разумеется, только над собой:

*У меня растут года,
И усы и борода
Сделались седыми.*

*Но как прежде юн и свеж
Взгляд глазами цвета беж,
Умными такими.*

Кстати (или некстати – неважно), немного отвлекусь. Насчет двух «ф» в фамилии. Ну, а куда деваться? В России иметь фамилию «Козлов» – все равно что не иметь никакой. Знаете, сколько писателей с такой фамилией? С ума сойти.

Я работаю в газете, где печатаются книжные рецен-

зии. Так вот, однажды мы написали про книжку писателя Владимира Козлова (довольно известный прозаик). Но, как выяснилось, есть еще один Владимир Козлов, чуть более молодой, но тоже уже известный. Разумеется, мы их перепутали. Обиделись, кажется, оба. Так что я вполне понимаю Павла, а писать буду «Павел», а не по фамилии, потому что фамилию «Козлофф» трудно склонять.

Так вот, Павел – невероятно московский поэт. Но, конечно, в стихах его не только Москва. Тут много музыки, что понятно и естественно. Иногда она проступает настолько тонко, настолько сказочно и остроумно, что диву даешься:

*У кошки Матильды ее отбирают коты,
Не ради корысти, а для исторической правды.
Его не коснулась, поверьте, ее фуэта,
А если б коснулась, то он бы отвергнул, поправ бы.*

Именно же «фуэта». Здесь, согласитесь, не только музыка на ум идет, но и, сами понимаете – фуэта фуэт и всяческая фуэта.

А вот какое замечательное совершенно продолжение Пушкина А.С. (напоминать не стану, сами, конечно, знаете):

*Снег выпал только в феврале
И был настолько изобилен,
Как говорил – ты не жилец
На нашей матушке-земле.
Лишь тьмой недюжинных усилий
Я откопался наконец.*

А здесь – вообще только музыка, и ничего кроме музыки.

Не клеветцы, злодей отъявленный,

*Что мы без радости живем.
Цветет черемуха и яблоня,
И светит солнце за окном*

*И нам природою объявлено,
Что скоро сможем перед сном
Услышать соловья Алябьева,
Не на ютубе, а живьем.*

Да уж какой там, извините, ютуб.
Да, современные врываются во всё – и в стихи тоже.
И хотят нагадить, да только у них ничего не получится.

Потому что – черемуха и яблоня. И соловей Алябьева – живьем.

И все же главный герой, точнее главная героиня, именно Москва. Несмотря на историю, несмотря на театр, несмотря ни на что

*...Свое пристрастие вкусами
Не упустив из виду,
Я в переулке Брюсовом
Райх встретил Зинаиду.*

*«Твой сон не в руку», – скажете,
С лицом в надменной мине.
Зато не надо в гаджете
Мне их искать отныне..*

Никаких гаджетов, милые. Ну их. Тем более что:

*Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах,
Безумства и радость в тех юных далеких годах.
Из горлышка пили порой на бульваре «Агдам»...*

«Агдам»... Кто пил – не забудет. Но я сейчас про Чистые пруды.

Стоял я как-то на трамвайной остановке «Большой Харитоньевский переулок». Увидел Павла. Он шел с двумя воздушными и прекрасными девушками. Остановка примыкает к самому Чистопрудному бульвару, а Павел шел по тротуару, через дорогу. Собрался я было уже окликнуть его, но подошел трамвай. К тому же он шел с двумя небесными созданиями, а я ехал на какое-то отвратительное литературное мероприятие – бухать с какими-то мерзкими литературными деятелями. Короче, не стал я его отвлекать и окликать.

Может, и зря, кто знает?..

*...Я сказал им – мой дом вдалеке,
У меня остановка другая.
Но мой голос заглохнул в тоске,
И меня уронили с трамвая.*

*Отпусти, боль тупая в виске,
Мне бы ехать от края до края.
Только слышится в каждой строке,
Что меня уронили с трамвая.*

Что тут сказать? Разве что, перефразируя когда-то популярную попсовую песенку, – нас не уронят.

Нет, Павел, нас не уронят.

В том числе и потому, что вышла такая замечательная книжка, в которой так много истинно целебных стихов.

Евгений Лесин

Когда пришло время сиять – будь самым ярким.

Ван Дэшунь

* * *

По Мясницкой по улице Кирова,
Нога за ногу еле впопад,
Нараспашку душой иду с миром я,
Мне ни Киров, ни мясо не брат.

И, Садовым кольцом опоясанный,
Задержусь возле Красных ворот.
Пусть погода сегодня не ясная,
Но я слышу, как сердце поет.

* * *

Когда подует ветер с севера
И станет сильно холодеть,
Я окончательно уверю,
Что очень можно умереть.

А то живешь необязательно,
Жизнь подрубая на корню.
Глубин морщин не скроешь шпателем,
Как под одеждой грустных Нью.

* * *

Не утомись сегодня туча, к нам дойдя,
Тогда бы не было вечернего дождя.
Не напитай обильно влага все кусты –
Не вскрыть бутонов вам, волшебные цветы.

Не будь меж предками любовного огня,
Тогда бы не было такого вот меня.
А не изведай я поэзии греха –
Не написал бы строки данного стиха.

* * *

Воистину бедствие – грозы
Над нашею грешной землей.
Июль разнолик и нервозен,
Ни с кем не сведен в симбиозе
И сам недоволен собой.

Кругом откровенное плохо,
Размаха не видится крыл,
Закат – что оскал скомороха,
И Петр и Павел со вздохом
День светлый на час сократил.

* * *

Мораль моя и ценность интеллекта
Рождаются из моего нутра.
Как четкий абрис Невского проспекта
Родился только волею Петра.

А если ты случайно недалекий,
Тебя никак в Спинозу не развить.
Белеет парус, парус одинокий,
И никаким другим не может быть.

* * *

Зачем перелетные птицы летят –
Оседлые птицы не знают.
Не можно сказать, что вернутся назад,
За далями всяко бывает.

И я в предназначенный час улечу
За Альфу иль Бету Центавра.
И в новых небесных стихах зазвучу
Со всею вселенной на равных.

* * *

О, подлежащее, влекомое сказуемым,
И в обрамлении второстепенных членов!
Я рад упиться синтаксическим безумием
И быть готовым к языковым переменам.

Хотя и вышли все мы из «Шинели» Гоголя,
Однако, видит Бог, не для того,
Чтоб стихотворными потугами убогими
До муки слез расстраивать его.

* * *

Пора сниматься, сядем на дорогу,
Здесь сумрачно и призрачны пути,
Но кое-где пустыня внемлет Богу,
Что исподволь толкает нас идти.

Сквозь тернии карабкаясь на ощупь,
Вгрызаясь аки зверь в земную твердь,
Мы движимы одним вопросом общим –
Зачем нам надо жить и умереть.

* * *

Мир рушился со скрежетом по швам,
Я вышагал бульвара утлый остров.
Как парус на маяк, легко и просто,
Я двинулся к надменно ждущей Вам.

И в сумерках, в объятьях толчеи,
Меж глыб автомобильного торося,
Я понял вдруг, что мы обречены,
Что жизнь не знает знака переноса
Как спаса от сумы и от тюрьмы.

* * *

Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах?
Безумства и радость в тех юных далеких годах.
Из горлышка пили порой на бульваре «Агдам»,
И думать не думали ехать тогда в Амстердам.

Отнюдь не голландского глаженья утром лицо,
Трещит голова, будто в ней «Нибелунга кольцо»
И думать не думали, может – гадали, скажи,
Куда заведет нас дорога с названием жизнь.

* * *

За горы нас носило, за моря,
В пустыни и заоблачные дали,
Мы крепкие настойки декабря
Глинтвейном в наши души заливали.

За то, что я живой, прости меня,
Не следует считать меня умершим.
В борьбе за каждый малый проблеск дня
Мы жизнь ещё немножечко удержим.

Сквозь мелкие прорехи бытия
Смерть выглядит одной из привилегий.
Доверчиво проста судьба моя:
От альфы через дельту до омеги.

* * *

В картинной галерее, что в Лаврушинском,
Писательского дома под стеной,
Встречают нас с досадным равнодушием
И Репин, и Поленов, и Крамской.

Но Врубеля полотна величавые –
И Демон, и сиреневый развал –
Хранят в своих мазках печать отчаянья,
Поддался наважденью – и пропал.

* * *

Само собой не перемелется,
Что рождено помимо нас.
Путем-дорогой поле стелется,
Однако тьма, хоть вырви глаз.

И, продвигаясь в жизни ощупью
Вослед рецепторам души,
Я размышляю: а не проще ли
Не размышлять, а просто жить?

* * *

Не клевети, злодей отъявленный,
Что мы без радости живем.
Цветет черемуха и яблоня,
И светит солнце за окном.

И нам природою объявлено,
Что скоро сможем перед сном
Услышать соловья Алябьева,
Не на ютубе, а живьем.

* * *

Тебя отрадно встретить снова,
Я друга сразу узнаю.
Ты будешь мучеником слова,
Я душу чувствую твою.

А на меня надейся смело,
Не сомневаюсь – разглядел.
Я буду мучеником дела,
И мы свершим немало дел.

Но если рассуждать речисто,
Нас ждет такой апофеоз.
Мы будем оба люди свиста,
И нас чуть что – так на мороз.

* * *

О, книг божественных страницы – лепестки,
О, чудо-песнь: Россия, Лета, Лорелея.
Вы полюбились мне, рассудку вопреки,
И я об этом никогда не пожалею.

Ну а все люди по природе – что жуки,
И каждый мнит себя потомком скарабея,
С кем стать товарищем, кого принять в штыки,
Нужна решимость разобраться, не робея.

И пусть не умники кругом, не дураки,
Не пышут злобой, не разносчики еля.
Жизнь проживать свою – совсем не пустяки.
То жаром вспыхивая, то огарком тлея.

* * *

Что костры инквизиции мерзкие?
Что костёр девы Жанны Д`Арк?
Взвились ярче костры пионерские,
Красно-пламенный детства угар.

Помню, раз в одно утро туманное
Речь несвязную молвила ты,
Что мы просто смешные и пьяные,
Запоздавшие в осень цветы.

* * *

Фиоритуры – это лезть,
Вокала трепетного перлы.
Из глуби вдоха к высям лезть,
До муки слез щекочет нервы.

Семь раз отмерь и трижды взвесь,
Еще не факт, что будешь первым.
Зато невежество и спесь
С тобою встретятся, наверно.

Какое счастье, что мы здесь,
Светлы душой и не манерны.
Живем и радуемся днесь,
И все уйдем закономерно.

* * *

Мой вымышленный друг совсем не рад
Сознанию, что он живет как раб.

Свобода, по-французски *liberté*,
Наверное, засветит нашим детям,
Как в наши дни ворвалось фуэте,
Рожденное еще когда Чекетти.

А нам по жизни некогда весна
Обманным эликсиром послужила,
Как флаги революции, красна,
Со звездами, что сгустком крови в жилах.

* * *

Из театра представления –
В театр переживаний.
Устав от ночи бдения,
Заснул я на диване.

Москва, назад столетие,
Открыла мне кулисы.
Таирова там встретил я,
И Коонен Алису.

Свое пристрастие вкусами
Не упустив из виду,
Я в переулке Брюсовом
Райх встретил Зинаиду.

«Твой сон не в руку», – скажете
С лицом в надменной mine.
Зато не надо в гаджете
Мне их искать отныне.

* * *

В метро сегодня, окрыленные,
Все с красной ветки на зеленую,
Да и с оранжевой на синюю
Все молодые и красивые.
И, словно свита триумфатора,
Все скопом ввысь по эскалатору.

И даже мне больные нервы
День марта календарный первый
Сумел всерьез разбередить.
Всё потому, что бог Ярило,
Со всей космической силой,
Явил языческую прыть.

* * *

Грядущих дней в остатке чисел мало верст,
Сны в колыбели, жизни выстрел и погост.
Куда теперь, скажи, субстанция моя,
И неужели знать о том не вправе я?

Увы – не дадено почившей в бозе деве
Хоть малой толикой намека рассказать,
Какие слышатся ей райские напевы,
Что ублажает ее мертвые глаза.

* * *

Смятение в глазах и блеск отчаянный,
Защитная готовность на все сто.
Кто будешь ты, попутчица случайная,
В раструбе долгополого пальто?

Не скромности удел ходить по лезвию,
Жизнь вовсе не арена Шапито.
Мне кажется – я знаю, ты – поэзия,
Но как посметь сказать тебе про то?

* * *

Зое Бру

Мой ангел, голубка моя!
Тебя, будь то время иное,
Писал бы Кранах, сыновья,
И Гойя, конечно же, Гойя.

Тебя бы, упорствую я,
С охотою пуще неволи,
Воспели Жорж Занд и мужья,
И опусы Сартра Жан-Поля.

И даже сквозь трель соловья
В час сумерек поздней весною
Мне слышится песня твоя,
И имя волшебное – Зоя.

* * *

Снег выпал только в феврале,
И был настолько изобилен,
Как говорил – ты не жилец
На нашей матушке земле.
Лишь тьмой недюжинных усилий
Я откопался наконец.

* * *

Не всё повально время лечит,
Да кто ж от счастья бежит?
Как ты пришла ко мне под вечер,
Воспоминания свежи.

И день был sereneкий, неброский,
Да и закат не пламенел.
Но этой встречи отголоски
Досель колышутся во мне.

* * *

Где гуртом полчища вороны
С утра клевали требуху,
Теперь там солнечные кони
На кристаллическом снегу.

И небеса, что цвета стали,
Совсем светлы, как посмотреть.
Мы жизнь без страха принимали,
Где ужас в слове умереть?

* * *

Те годы детские советские
Среди дворовых райских кущ,
Они – как пляски удалецкие.
Дитя был весел, но тщедущ.

Его пленила математика,
Сильнее химий и историй,
От хулигана до догматика
Диапазон весьма просторен.

И до сих пор им не забыто,
С литературой не был в ссоре,
Как дедка с бабкой у корыта
Вели разборки возле моря.

* * *

Я, заворачивая за угол,
Привычно сбрасываю хвост,
Равно как все исчадья Дракулы,
Оберегают свой погост.

Цвела черемуха да выцвела,
Стоит в бутонах бузина.
Душа в накале – ждите выстрела,
Первопричина не важна.

Так корабли, поэты плаванья,
Стремятся в гавани стареть,
Чтоб оживлять воспоминания,
Когда минует время петь.

* * *

Кто вас придумал, плиты тротуарные!
Для истребления народа он был прав!
Отсюда переломы рук ударные
И в гипсе тазобедренный сустав.

Пока до «скорой» я страдал на Баррикадной,
У перехода на коварном вираже,
Народ всё падал, поднимался, снова падал
И обессилевал опять вставать уже.

* * *

Всё в жизни надоело до черта,
Но сам я делаюсь не свой,
Когда услышу звуки Моцарта,
Аллегро из Сороковой.

И мне особо дорог Лермонтов,
И мутный англичанин Байрон
За то, что были интровертами
В своей поэзии печальной.

* * *

В конце Проспекта Мира у обочины,
Где Мухиной Колхозница с рабочими,
У станции метро ВДНХа,

Мне вспомнилось, как были мы ребенками,
Все ленинцами, пионеро-звонкими,
Чья поступь в коммунизм была легка.

С тех памятных времен прошли года,
И все мы разлетелись кто куда.

* * *

Открой свои дороги, небо звездное,
Рейс более стремителен, чем рейд.
Нам редко выпадает ехать поездом,
Все чаще самолетом через *gate*.

Пора признать – мы птицы перелетные,
Не с тем, чтобы попасть под теплый кров,
Всегда в дороге – наша подноготная,
А что дороже этой пары слов?

* * *

Анне Бру

Мы ехали, мы мчались через лес,
Ни версты, ни секунды не считая,
С особенным вниманием и без,
Что жизнь, такая хрупкая, крутая.

Поставь в гараж свой красный «мерседес»
И, тихо Касту Диву напевая,
Возьми бокал, налитый под обрез,
Напитанного солнцами Токая.

Под насыпью – ты помнишь те стихи?
Лежит во рву и смотрит как живая,
Прощенная уже за все грехи,
Красивая, как ты, и молодая.

А ночь когда заступит за порог
И сон уже застит твои ресницы,
Пускай тебе приснится Саша Блок,
И врубелевский Демон пусть приснится.

* * *

Святой Вертеп с волхвами у порога,
Как промысел наивной простоты,
Народный театр ко дню рожденья Бога,
Где все так вдохновенны и чисты.
А дальше – заповедная дорога
Впрямую от звезды и до воды.

* * *

Никак Москва ликует?
Виньетки в кружевах.
Как выйдешь на Тверскую –
Так тут же скажешь: «Ах!»

Заморская картина,
Чужачества извне,
Вихляют серпантинном
При русской старине.

И я скажу: «Усердствуй» –
Восторгу своему.
Пусть будет праздник сердцу
В противовес уму.

* * *

Он приближается – разглядывайте краски,
Исконно русский, а не финно-англосакский,
Дедуля славный, взявший посох для остратки,
Товарищ в валенках, напяливший халат.

С девицей снежною за ручку, не в обнимку,
Довольно строго, без намека на ужимки,
Весь в оперении бравурных звуков Глинки,
Параден обликом, в общеньи простоват.

И непростительно в личине новомодной
Нравоученьем укорять себе подобных
За бесшабашное веселье торжества.

Куда как проще подойти и слиться с ними,
Назвать согражданами добрыми своими
И разгуляться в славном городе Москва.

* * *

Забава с Новым годом миновала,
На улице уныло и темно,
И Муза та, что Данту диктовала
Страницы ада – мне стучит в окно.

Не ведая, что с этой дамой делать,
И сильно опасаясь оплошать,
Я шторы запахнул рукою смелой
И сразу завалился снова спать.

* * *

Распутица – отнюдь не благодать,
Подумалось мне вдруг перед обедом.
Я должен с этой мыслью переспать,
А уж потом кому-нибудь поведать.

Красавица! Какие грудь и стать,
Цветок открытых чакр и аюрведы.
Блаженство этой дамой обладать,
Назло весьма надменному соседу.

Бессонница, Гомер, опять, опять,
И сорок восемь тысяч братьев следом.
Пора уже, пора коней менять,
Причислив поражения к победам.

* * *

Спросите Даниила Хармса,
Как было в Питере тогда,
Всё так же Невский устремлялся,
И все сновали кто куда.

Всё так же площади Дворцовой
Торжествовал парадный вид,
И Петр, медный и суровый,
Как некогда писал пиит.

И Хармс, как этакий Гудини,
Взлетал порой на парашет.
Дороги неисповедимы,
И что такое сотня лет!

* * *

Поеду в деревню, наверно,
Найду браконьера в лесу,
И, может быть, тридцать первого
Я елку тебе принесу.

И тихо поведает хвоя,
Ладоней тепло храня,
Что вовсе того не стою,
Что сделала ты для меня.

* * *

Если вы пишете слева направо –
Вы англосакс или рос.
Если вы пишете справа налево,
Кто вы – огромный вопрос.

Если вы ходите где папуасом,
Не прикрываете срам...
Все эти «если» придуманы разом
Кем-то неведомым нам.

* * *

Не будет ничего плохого,
Пока не встретишь ты другого,
Пока когда-нибудь под вечер
Уже нигде тебя не встречу.

Пока не встрянут злые люди,
Пока не сменится эпоха.
С тобой плохое вряд ли будет,
Но как же мне вдруг станет плохо.

* * *

Наверно, вьюга виновата,
Она напала, как монгол.
Нас снег окутывал, как вата,
Нас ветер, как зерно, молот.

Он на щеке слезину выжиг,
Но знаешь – умереть в пургу
Куда почетнее, чем выжить
В своей берлоге на боку.

* * *

На острове Шпицбергене не знают непогод,
Вокруг стоят течения, закованные в лед.
Норд-Остами, Зюйд-Вестами проносятся ветра,
И жизнь безынтересная, что завтра, что вчера.
Но иногда по праздникам над этим миром льда
Сияет безотказная Полярная звезда.

* * *

Мальвина бежала в чужие края,
Так было рассказано детям.
Услышав о том, впали в грусть ты и я,
А сказочник был нашим третьим.

И Таня бежала в чужие края,
Решив, что там берег желанный.
О ней вспоминают порою друзья,
Негаданно, вдруг и неожиданно.

И Марья Иванна в чужие края
Бежала с оказией тоже.
Ах, Марья Иванна, родная моя,
Держитесь, Господь Вам поможет.

И я собираюсь в чужие края,
Хотя размышляю под вечер:
А стоит овчинка того громадьа?
Тех нет, а иные далече.

* * *

От туманного проблеска поздней зари,
Поутру поднимаемся вяло.
Немота уступает поре говорить,
И лежанье хождением стало.

Бодрость мозгу успешно дает кофеин
Минус скрепа с сигарным угаром.
И в душе возникает назойливый гимн,
Как отмстить неразумным хазарам.

* * *

В лесу у тихой заводи,
Где плещется вода,
Я думал – знать бы загодя,
Когда придет беда.

Когда, в каком обличии,
В который день в году...
Я с полным безразличием
Тогда к ней подойду.

* * *

Ноябрь в последних числах на бегу,
Земля покрылась снежною порошей,
И ветер сквозь поземку на снегу
Мне письма пишет: ГОСПОДИН ХОРОШИЙ!

В начальных строках данного письма
Уведомляю Вас, что осень миновала.
По Цельсию пора сидеть в домах,
А не шататься днем и ночью где попало.

Год уходящий уже несколько недель,
Точнее дольше – хитро смеживает веки,
Всласть нагладевшись на земную канитель,
Которой заняты все люди-человеки.

Однако, очевидно, не впустую.
Повинной голове не нужен меч.
Заканчиваю. Искренне. Целую.
Пост-скриптумом: перед прочтением – сжечь!

* * *

Она сказала – наши отношения,
Не более чем просто заблуждение.
Он ей ответил – раз такое мнение,
Не смею прекословить и уйду.

Поднялся и оделся респектабельно,
А после в лимузине комфортабельном
Убил себя он пистолетом табельным
В две тысячи семнадцатом году.

* * *

Как мы живем? Поужинать да спать.
А утром завтра снова за работу.
Но в сны ко мне – невзгода? благодать?
Как будто начал вклиниваться кто-то.

Откуда эта горечь тубероз
В уютном для меня заливе ночи?
И с четкостью оформленный вопрос
Спросонья с языка сорваться хочет.

Есть брошенный на бесконечность круг,
Есть выделенный шар с частями света.
Есть я с пустым вопросом поутру.
Всё это есть. Когда-нибудь и где-то.

* * *

О, сказки Гофмана! О, сказки братьев Гримм!
О, наше детство ввечеру в углу дивана!
О, чудный мир, что до сих пор в душе храним,
Включая Андерсена Ганса Христиана.

И незабвенное, что в языке родном
Мы с первой лаской матери впитали.
Как наш царь-батюшка таился под окном,
А три девицы – они пряли, пряли, пряли...

* * *

Удар вне правил – всё знакомое,
Вконец набило мне оскомину.
Но вдруг пришло желанье свежее –
Прожечь сердца людей глаголом,
Подумать страшно, как жил прежде я,
Совсем духовно нище-голым.

* * *

Куда еще проще,
В березовой роще,
Все листья опали навзрыд.

Куда еще чаще,
А дождь морозящий,
По окнам стучит и стучит.

Куда еще ближе,
Мрак ночи над крышей,
Сгустился и скрыл небосвод.

Куда ли, когда ли,
Не звали, не ждали,
И незачем знать наперед.

* * *

Если ты молвишь слово,
Любопытные люди
Его тут же размножат,
Назовут золотым.

А наутро так снова
Память сердце разбудит,
Осень лето стреножит,
Миновало – Бог с ним.

Так вот, ночью и денно,
Все у нас неизменно.

* * *

Где же ты, балерина, поэма экстаза?
Может, ты в Браззавиле иль в Секторе Газа,
Где различного толка толпа?
Умиравший лебедь – ни дальше, ни ближе,
И поверх всех времен-расстояний я слышу:
«Не выпытывай! Je ne sais pas».

Эти pas-de bouret, словно азбука Морзе,
Где все точки-тире беззащитны и слезны,
Отчего омрачилось чело?
Тридцать два фуэте, всё закрутится снова.
Но в ответ тишина, убедительней слова:
Миновало. Исчезло. Прошло.

* * *

Зачем озвучивают счастье?
Как в слове музыка играет,
Свет в тень лучи свои вплетает,
А мир велик и очень властен.

Нанизывать людей, как бусы,
И вдруг разрыв, и врассыпную.
Руками, связанными в узел,
Обнять не сможешь ни в какую.

Бывало – сиживали долго,
Сквозь ночь рассветы привечая.
Как звуки музыки умолкли.
И сумрак тает, тает, тает...

* * *

Вот свечереет и представится
При взгляде в темное окно,
Что час настанет и преставиться
Мне, как и прочим, суждено.

И я в таком благообразии
Улягусь меж скорбящих глаз,
С одной последней мыслью: разве я
Был в жизни хуже, чем сейчас?

* * *

Не ты ли меня приглашала, звала, заманила,
Казалась весной, оказалась зимою немилой,
Где целыми днями темно, где всё криво и косо,
Где месяц бывает серпом иль щербатой
полоской.

И дело не в том, кто поверил, а кто был обманут,
Всё сгнуло с мутной водой, разбираться
не станут.

А горечь, как плесень на помыслах некогда
чистых,

Пустая остратка для вечных корней
любопытства.

* * *

Мы не грязь, мы алмазы в пыли,
Славен тот, кому хватит извилин,
Пусть ценою громадных усилий
Умудрится поднять нас с земли.

И откроется тысяча граней,
Как они заиграют, искрясь...
Только вряд ли хоть кто-нибудь станет
Под ногами разглядывать грязь.

* * *

И угораздило родиться,
Мне совершенно не годится
Ни эта серая столица,
Ни этот день, ни этот год.

Ни это небо в ля миноре,
Ни это слово на заборе,
Ни эта горечь в помидоре,
Ни эта мысль, что всё пройдет.

* * *

Отнюдь не сахарный балтийский месяц март,
И снега серого обмякшие обноски.
Афиша в инее, где Новый Рижский театр,
На ней два имени: Барышников и Бродский.

Спешите видеть, как стареющий танцор
Стихами умершего друга и поэта
Без толку борется со смертью, фантазер,
И иллюстрирует в движеньях танца это.

В стихах у Бродского – как страшно умирать,
На сцене – пластика Барышникова, эхо.
И нет понятия, где Божья благодать,
В развалах жизней изощренных и успеха.

Невольно вдумаешься: каждому – свое,
И уготован всем конец согласно вере.
Вдвойне блаженен, кто уйдет в небытие,
Улыбку счастья на уста свои примерив.

* * *

Ах, где вы, безумно-бессонные ночи,
Которые мы, пионеры рабочих,
Сумели пропеть до утра?

Все кануло в Лету, прошло, миновало,
Исчезло, исчерпалось, скрылось, пропало
И носит название *вчера*.

* * *

Чего от жизни ждать хорошего?
Тому и быть, что суждено.
Нисколько не орел – воробышек,
Влетел в открытое окно.

И взглядом мудрого прозектора,
С надменным клювом вместо губ,
Он отразил в разбитом зеркале:
Где стол был яств, там будет труп.

* * *

Одно окно. Я утром у окна
Встречаю одиночество рассвета.
Вот так и жизнь у нас, наверное, одна,
Хоть большинство не очень сильно верит в это.

Жизнь разнопланова. Есть где-то паучок,
Что без ума от паучихино тела,
Он так и рвется к ней попасться на крючок,
Чтоб вслед соитию та дама его съела.

А уж потом, за все ошибки и грехи,
Хоть генетически он был совсем безгрешен,
Все вознамерятся писать о нем стихи,
Каким он был всегда прекрасным и успешным.

* * *

Унылой зелени осенней
Не для гербария листы.
Они как весточки о тлене,
Как панацея от забвений
И оберег от суеты.

Спадут листы, тоску я скину,
Возникнет зимняя картина,
И вечерком у камелька
Открою новую страницу,
И так заполню, чтоб гордиться
Своей фамилией на «Ка».

* * *

Я ступаю на Аничков мост,
Будто снова бреду по Парижу,
Точно так, как, придя на погост,
Вычисляю, а кто еще выжил.

Грусть печальная, анахронизм,
На заре двадцать первого века,
Когда все познают дзен-буддизм,
Жить подобно духовным калекам.

Надо срочно очистить свой мозг,
Просветляя астральное тело.
И в преддверии метаморфоз
Никогда не бросать это дело.

* * *

Вновь осенней тоски безголосица,
В устрашающей дымке закат,
А колеса все дальше уносятся
За околицу нашу, за МКАД.

Все здесь внове, за самую малостью,
Где родные поля, где село?
Что, скажите мне, по свету шлялося
И на нас невзначай набрело?

* * *

Минуло лето на листках календаря,
Но нет печали в ясном небе сентября.
Все в этом мире, моя девочка, не зря.
Бог нас не выдаст, зверь не съест – перезимуем.

Я, может, выберусь когда на остров Крит,
Где море пенное и много Афродит,
И подивлюсь – о славный час! о славный вид!
Но что заменит красоту твою земную?

* * *

Скажите, чем оправдан суицид?
И, по статистике, какие склонны лица?
Кто вознамерится быть сам собой убит?
Как юнкер Шмидт, который хочет застрелиться.

Еще – а невидаль ли Митина любовь?
Иль, может, Мити, повзрослев, выходят в дяди,
Предпочитая в жилах медленную кровь
Взамен той алой, что дает ружье в разряде?

* * *

Изъезжен город славный мой, исхожен,
Маршруты все изведаны, пути.
Одно меня порой желанье гложет –
От Пушкинской до Сретенки пройти.

Ночная тишь машинный шум стреножит,
Встревоженному эху нет конца,
И вряд ли где найдешь конец, похоже,
Безлюдного Бульварного кольца.

* * *

Живут себе, не старятся
Два томика стихов –
Мэтр Иннокентий Анненский
И юный Гумилёв.

Я положил Цветаеву
На столик у окна,
Там в полном равноправии
С Ахматовой она.

А Мандельштама вижу я
На полочке в ряду.
Ждет это Пятикнижие,
Когда я к ним приду.

* * *

Когда стал тягостен запой – синоним бедствий,
Пришла депрессия, закон причин и следствий.
Спротивляться – вот исход, да что есть мочи.
Движенье, тот же антидот, должно помочь мне.

И стали сниться мне ночами песни смелые,
Не зарифмованный размер, стихами белыми.
И пел мне голос до утра – не надо мучиться,
Ведь жизнь совсем не дважды два, а что получится.

* * *

Ах ты, клен кудрявый, лист резной,
И летают девочки-стрекозы,
С от ушей растущую ногой,
Даже без намека варикоза.

Кто бы дал им знать, как страшен мир,
Дьявольски жесток и вероломен.
В поисках домов, мужей, квартир,
Очень нелегко не быть в обломе.

* * *

Я не стану отныне петь водке хвалу,
Не с того, что я начал противиться злу,
А с того, что сегодня в завязке.

Я не стану мусолить бычки сигарет,
Не с того, что большого желания нет.
В жизни надобны разные краски.

Я возьму твой клавир, Иоганн Себастьян,
Не с того, что мне хочется плакать, и пьян,
И гашу в винегрет сигарету.

Просто знаешь, старик, ты бальзам для души,
Твой клавир, он так много во мне ворошит,
Что, поверишь ли, слов даже нету.

* * *

По камушкам, бродом, по камушкам,
Вдоль Леты-реки, через гниль,
Шагаю, как братец Иванушка,
К старушке своей Изергиль.

А если вдруг будет сомнение,
То я из широких штанин
Достану удостоверение,
Что я человек – гражданин.

* * *

Гиацинты, цветы традесканций,
Колоски зеленеющей ржи.
Брось надежду, не надо стараться –
В однородный букет не сложить.

Вот и я, катафалк грез и танцев,
Закулисной бравады и лжи,
Снова выпал в ряды новобранцев,
И отчаянно хочется жить.

* * *

Не Коктебеля звук, и даже не Судак,
Меня не трогает упоминанье Крыма,
Мне только помнится, как ездили туда
Неугомонно-бесшабашно молодыми.

Простые радости – играть ногой босой
С отглаженной прибором ровной галькой,
Что повыбрасывали волны на песок –
Уже не кажутся заманчивыми. Жалко.

* * *

Как на золотом крыльце сидели
Кругом родные и друзья.
Сказать, что все помолодели,
При всем желании нельзя.

Чай пили на веранде – случай:
Была погода хороша.
Галдели хором. Ветер слушал
И отголосками шуршал.

И было в воздухе такое,
Закат был трепетен и ал,
Как будто в мире под луною
Еще никто не умирал.

* * *

Что ж – полетели? – Полетим!
Зовет дух странствий удалой.
Но не всегда приятен дым,
Когда воротишься домой.

* * *

Амстердам
Из криминальных хроник

Город спокойный, красивый, дома на воде.
Вот бы, казалось, где нет вовсе места беде.
Только и там отыскался водитель – злодей,
И в один миг раздавил целых восемь людей.

* * *

Мне голод не тетка, и черт мне не брат
В канве двадцать первого века.
Я сделаю фотку и сделаюсь рад,
В себе разглядев человека.

Туда ж ты поди ж ты, всем кофе с икрой,
А мы упиваемся чаем.
И дважды, и трижды, герой, не герой,
И перечень сей нескончаем.

За что уцепиться, рукой ли, ногой,
Но дальше не больше, хоть тресни.
Не лезу на принцип: изгой – не изгой,
Какие же могут быть песни.

* * *

Как перо, обломившись в руке,
Так, ушедшую жизнь догоняя,
На подножку вскочил налегке,
А меня уронили с трамвая.

Я сказал им – мой дом вдалеке,
У меня остановка другая.
Но мой голос заглохнул в тоске,
И меня уронили с трамвая.

Отпусти, боль тупая в виске,
Мне бы ехать от края до края.
Только слышится в каждой строке,
Что меня уронили с трамвая.

* * *

Если будет когда день рожденья,
Неприменно, конечно, с друзьями,
Что приходят без стука – не выгнать,
И я в гости кого приглашу.

Подарите мне палку для селфи,
Напишите японскую хайку.
И тогда я скажу Хари Кришна,
И кому-то текилы налью.

* * *

Я не поеду в Алазанскую долину!
Я не поеду, расседлайте мне коня.
Повременю пока озвучивать причину.
Я не поеду, не упрашивай меня.

Там простодушно первозданная природа
Являет девственность уже который век.
Как удастся ей такое год от года,
Никак не может уложиться в голове.

Пустой романтик! Я настолько в это верю,
Пусть самолеты есть давно и поезда...
Но – лучше жить мечтой. Всего скорее,
В тот славный край я не поеду никогда!

* * *

Мне для решительного шага,
Совет был в молодости дан:
Вас ждет Париж, вас ждет Гаага,
Вас ждет стремительный роман,
Сорокаградусная влага
И самый лучший ресторан.
С тех пор прекрасная Гаага
Всё ждет решительного шага!..

* * *

Так, должно быть, когда-то Тальони,
Белый штрих достопамятных лет,
Оторвавшись от сцены в сисоне,
Встав на пальцы, совсем невесомо,
Освятила искусство балет.

Так и Пушкин, должно быть, когда-то
Сделал жизнью поэтику строф.
А теперь погляди – Боги святы,
Сколько всяких нелепых, невнятных
Понаписано разных стихов.

Стихи белые

Хлеб, зрелища и кое-что еще

За годы молодости, отданные театру, мы повидали на гастролях много стран и городов. Труд невелик – оцифровать воспоминанья. Возьмем Хабаровск – он нам памятен особо. Ни прямизной пролетов улиц, ни красотой своих пейзажей и не рекой с чуть эротическим названием Амур. И уж, конечно, не восторгом местной публики – у нас там даже не было спектаклей. Он нам запомнился нелепой катастрофой, лишь только чудом – не с трагическим концом.

Давно то было, много лет назад. Мы были юными артистами балета. Балет был гордостью страны СССР. Промчалась вечность. Кто из наших где теперь?

Тогда закончились японские гастроли, и мы отправились домой в обратный путь. Не как обычно, перелетом в Шереметьево, а заковыристой, с двойною пересадкой. Сначала плыли теплоходом до Находки. Корабль двигался, врезаясь в гребни волн, а за бортом эскортом мчались альбатросы. Прибыв в Находку – сразу поездом в Хабаровск. Здесь предстояло день и ночь передохнуть, а рано утром самолетом на Москву.

Как прояснилось, что артисты здесь проездом и что в их городе не будут выступать, у местных тут же потерялся к нам малейший интерес. Нам сообщили – до гостиницы автобусы дадут и предоставят грузовик для чемоданов. А загружать самим придется, негров нет.

И подогнали: грузовик – не грузовик, а прямо-таки домик на колесах. На стенах красовалась надпись «Хлеб».

Перетаскать и загрузить – то ерунда, артист балета – он накачанный, спортивный. И загрузили грузовик по самый верх, чтоб избежать, неровен час, второго рейса.

От туго втиснутых до верха чемоданов до плотной двери, запирающей фургон, осталось ровно расстояние в полметра. Для горстки избранных, кто будет разгружать, поскольку груз шел напрямиком в аэропорт. И отыскалось целых пять энтузиастов. Я тоже был тогда одним из них.

Спиной к стене из чемоданов, сквозь незапертую дверь, нам довелось услышать множество напутствий. Кто предлагал нам напоследок покурить, а кто советовал: «Вы очень не вертитесь».

Куда вертеться, когда можно лишь стоять с почти притиснутыми к корпусу руками.

– Поехали, – всё мельком оглядев, то ли спросил, то ли скомандовал водитель. И закупорил в мир распахнутую дверь. Будто рубильником сработал – свет исчез.

Машина тронулась. Во тьме и тесноте мы, помнится, как будто бы шутили.

Шофер же, между тем, прибавил газ.

Уже потом нашли научную основу. Что центр тяжести, если он смещен, то это выльется в потерю равновесия.

Смещенный центр, неуправляемый фургон. И мы в нем, словно яблоки Ньютона. Хоть это и совсем другой закон.

Грузовичок наш лишь сперва качнулся в сторону. Потом – в другую. В ту, в другую, все сильнее.

В итоге рухнул, проскользил еще с полметра.

И сквозь пробитую тяжелым грузом крышу, по направлению грозной встречной полосы, под изумленным взглядом всех хабаровчан, из безобидного вполне фургона «Хлеб», тогда посыпались вдруг люди, чемоданы.

Машин немного было, встречных и не встречных. Затормозили все, никто не пострадал.

Но вспомнишь! Головою по асфальту! И возле глаза возникает колесо!

Серьезно пострадал Витя Васильев. И вылетел по-дальше, и разбился, ударился, и руку повредил.

С кровоточащей сильно раною плеча среди развала чемоданов на дороге.

А тут к нам добрая старушка подбегает:

– Вы чемоданы-то смотрите, украдут.

И мы их, помню, в кучу все перетаскали. И Виктор, вроде бы, кому-то и сказал:

– Пошли отсюда все вы. Я – живой.

Потом приехала милиция, нас с чемоданами куда-то загрузили и привезли всех наконец в аэропорт.

* * *

И вот, скажите, разве можно тут не выпить? Снять напряжение? И успокоить нерв? Встряхнуться и обратно снова жить.

Это сейчас уже на ум приходят строки:

*И чтобы кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О! Сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела.*

За яростных мы пьем, за непохожих

Вы, верно, слышали про Виолетту Бовт, прославленную нашу балерину? Ее искусство, непростая ее жизнь – она поистине достойна монографий.

В две тысячи семнадцатом году у Виолетты девяностый день рождения. И значит – скоро будет юбилей. Без героини, к сожалению, торжества, поскольку ее больше нет в живых.

Поклон и память ей, она была звезда.

Мне вдруг представилось, что все, кто ее знал, вдруг да поделится о ней воспоминаньем. Не восхвалением великой балерины. То – хлеб искусствоведов, их дела. А впечатлением, какой она была, и подтверждающими фактами из жизни. Из многочисленных отрывков выйдет книга.

Считайте эти строки, как почин.

* * *

То были летние гастролы по стране. И у одной из артистических бригад, коих немало разъезжало по Союзу, была афиша:

Виолетта Бовт,
Народная артистка СССР

С её партнером Эдуардом Перкуном, и подтанцовкой – Добряков, Бочков и Невский.

Бовт и Перкун дарили публике дуэты. Их разбавляли то Бочков, то Добряков, и вместе с ними танцевал Андрюша Невский.

Порой шел акт балета «Берег счастья». Там очень простенький сюжет – «Артек», любовь, впервые возникающее чувство. Потом война, раненья, бой и смерть врагам. Победа, вновь Артек, и берег счастья. Народу нравился такой соцреализм.

Под занавес концерта – «Вальс» Мошковского.

Как танцевали Виолетта с Перкуном! Невероятные, сложнейшие поддержки. Народ безумствовал и требовал «на бис».

Эдик Перкун, высокий, статный богатырь, подбрасывал Виолу к небесам. Она летала, с яркой, светлой улыбкой, потом стремительно срывалась в тур-пике (вращенья с продвижением по кругу) и убегала в угол сцены наверху. В диагональ по отношению к Перкуну, стоявшему в углу на авансцене.

Вальс музыкально подходил уже к концу, артистам только предстояло сделать «Рыбку». Потом три раза прокружиться. Все. Конец.

Вы представляете себе поддержку «Рыбка»? Почти что высший пилотаж для балерин. Разбег от крайней верхней точки из угла, потом толчок едва не с середины сцены, и, крылышки сложившим ангелком, стрелой лететь к надежному партнеру. Не акробатика, но все ж смертельный трюк.

А Эдуард, пока стоял и ждал партнершу, держал все время руки за спиной. Будто не ждал её, для пущего эффекта. В момент назначенный – она в его руках. И, разумеется, что шквал аплодисментов.

Виола Бовт! Какой решительной была она, бесстрашной, и остроумной, и по-детски озорной!

Концертов было много, день за днем.

Однажды, на одном таком концерте, все шло с большим успехом, как всегда. И, ставя заключительную точку, ведущий объявил: Мошковский, «Вальс».

Пришлось бисировать, таким вот был успех. И танцевали, как обычно, с третьей части.

И вновь она летала до небес, потом стремительно вращалась на пуантах, и убегала в верхний угол – делать трюк.

Перкун на месте, вроде, руки за спиной.

Виола ждет, вся переполненная счастьем.

«И вдруг прыжок, и вдруг летит», как исторически уже заметил Пушкин.

Но Эдуард оставил руки за спиной. И Виолетта, перевернутою рыбкой, его минуя, улетела за кулисы.

У публике возник мгновенно «Ах», и половина даже с кресел повскакала.

Да, как же так, все было хорошо! Такое вдруг! Народная артистка!!!

Как выяснилось – это был сюрприз. Прошел момент – Виола вновь была на сцене. Пусть пролетела она мимо Перкуна. Но за кулисами друзья – они поймали. Надежный Невский, и Бочков, и Добряков.

* * *

Так я запомнил пересказ этой истории.

Покинув сцену, оказавшись не у дел, Виола Бовт уехала в Америку. Вот так же «Рыбкой», разбежавшись во всю мочь, и без уверенности, что её подхватят.

Её, конечно, подхватили, в мире любят знаменитых балерин.

Но отыскала ли она свой берег счастья?

Поверх текучих вод

Кудесник, что выводит в жизнь спектакль – вот кто он, в сущности, помощник режиссера. С другой же стороны – как посмотреть. Ведь он нисколько не творец, он исполнитель, он вроде боцмана на крупном корабле, что по инструкциям, командам капитана, следит за тем, что должен делать экипаж. Не только занавес открыть, потом закрыть. Еще артистов всех на сцену приглашать, звонком или голосом своим по громкой связи. Как ни крути – работа нервная, с людьми, и лишь для тех, кто очень сильно любит театр.

Анна Григорьевна была помреж давно. Благообразная, приятная особа достаточно глубоких средних лет. Всех согревало её низкое контральто с чуть ощутимой хрипотцой, возникшей вследствие куренья, и добавлявшей её голосу внушительность и специфичный шарм. Со всею трупшой на коротенькой ноге, она являла много гибкости в общении: с любимцами из массы – крепкий юмор, с солистами же – строгий пиетет. Хотя порой случалась некая диффузия.

Пример общения с народом:

– Нагиев, я тебя убью, – вскричала Анна раз перед спектаклем.

– В чем дело? – лебезил балетный «мальчик», крутой мужик, уже отец троих детей.

В руке у Анны был сценический отвес, что лишь недавно она вынула из сумки. На килограмма два по весу, для напольного крепления кулис.

– Ведь это ты мне эту гадость подложил, а я с ней третий день хожу и надрываюсь.

– Ну, вы там напридумали, не я, – виновник прятался от дела своих рук. Забавы детские, почти не инцидент. И было много всяких штук в таком роде.

А вот пример уже элитного общения:

– Какие есть проблемы, Алико? – так подошла она к ведущему солисту. Тот в это время, уже в гриме и костюме, направился к балетному станку. Поверх трико в толстенных вязаных лосинах.

– Пойду, погреюсь. Ты в шесть тридцать позвонишь?.

– Конечно, дорогой, не беспокойся!

И Чичинадзе приступил к батман тандю. Грузинский князь, высокий, статный, благородный, он в «Лебедином» был, бесспорно, лучший принц.

Анна Григорьевна сдержала обещанье, но несколько, скорей всего, не так.

– Снимай штанищи свои, Чичик, даю раз, – оповестила на весь театр, дав звонок. Такие перлы долго в памяти у труппы.

А «Лебединое» в тот день не задалось.

В плане эстетики – артисты, музыканты – все было безупречно хорошо. Но из просторных темных заводей кулис на яркой сцене появились два видения. Хореографии всей явно поперек.

Виденье первое – на музыке любви, на кульминации всего второго акта. Под пенье скрипки, когда масса лебедей плыла в сочувствиях страданиям Одетты.

На фоне задника, минуя камыши, пустилась в плаванье уборщица с ведром. Ей и махали из кулис, и угрожали. Трудяге явно было это нипочем. Она так даже вроде как-то оглянулась, и отмахнулась от грозивших ей рукой. Так и прошествовала в сапогах со шваброй. Накладка? Зритель мудрый, он поймет.

А уж в четвертом акте – так была беда. Тогда не в моде было слово терроризм, и ветеранов театра хоть куда пустили. И ветеран из хора, очень грузный дед, ходил нередко, носил «девочкам конфетки».

Теперь пример, как обернулась доброта, когда её в тот раз помножили на глупость. Поставили в кулисе пер-

вой стул, конечно в той, напротив пульта управления. И усадили деда в первую кулису, чтобы не мучился и мог на все смотреть. Кто мог подумать, что столь трепетный Чайковский на дедушку в момент нагонит сон. Он и заснул там, убаюканный на стуле, а позже выпал прям на сцену из кулис.

С тех пор есть правило – сомнительных на сцену не пускать!

И умирать в Париже нет желанья

Как изменилась наша славная Москва! Всеми любимая Тверская – ныне с хлипкими деревьями, скамейками в обделанных гранитом мрачных тумбах, сродни надгробиям погоста, что прилепился под Кремлевскую стеной. И с возникающими вдруг внезапно арками – на Пушкинской, и даже на Манежной. Кому понадобился здесь сусальный блеск?

Еще на Дмитровке тот памятник Плисецкой – ночная бабочка? Бандитка? Саранча?

Вот эпизод из жизни супербалерины. Однажды в мастерской у скульптора, где был домашний вернисаж, великой Майе показали заготовленный сюрприз – хозяин сделал статуэтку балерины.

– У вас найдется молоток, – отреагировала Майя, вдруг увидев.

– Конечно, – молвил скульптор – а зачем?

– Затем, что я хочу её разбить

Теперь Плисецкой больше нет, так что творят, не опасаясь молотка.

* * *

Куда ни глянешь – город наш «осовременен». Тем самым выхолощен, нету теплоты, царившей издревле здесь на семи холмах.

Зато приезжих поражает – как красиво! И иностранцы, лишь взглянув на сплошь джинсовую толпу и неких избранных в «Армани» и «Версаче», тотчас улавливают в людях инородный колорит: «Так вот какие все вы, русские медведи!»

И говорят: «Там русский дух, там Русью пахнет», когда постранствуют, воротятся домой.

В ответ – и русских впечатляет заграница. Где, может, тысячи и семью семь чудес. Невероятных, удивительных и разных.

В знак подтверждения возьмем l'air de Paris! Волшебный воздух в главном городе французов. О нем-то и пойдет сейчас рассказ.

* * *

То было в первую поездку за кордон. Еще недавний выпускник, вошедший накрепко во все спектакли театра, я съездил в Южную Америку, где очень сильно почитают наш балет. Отгастролировав в Бразилии и Чили, мы наконец-то собрались домой в Москву. Тоска по родине совсем не звук пустой, и, если честно, все порядком подустали.

Страх вспоминать, как мы летели через Анды! Погода жуткая, нелетная, гроза. Так что крыло нам даже молнией пробило. Познавши ад, мы сели в Рио-де-Жанейро, где должен ждать был предназначенный нам рейс. Но из-за сложностей в полете опоздали.

В аэропорте был полнейший кавардак – искали рейсы для большого коллектива. В итоге труппу разделили на две группы. Одна летела через Лиссабон, другая – на Париж, причем с ночевкой.

Через Париж – с самим директором Чайковским. Он был не родственник Петра, однофамилец, вполне себе достойный господин. С ним полетели все ведущие солисты, а также захватили молодежь.

Прибыв в Орли, мы побросали вещи в «Hilton». Густые сумерки (уже спускалась ночь), штамп общей визы (всем везде ходить гурьбой), не стали стопором в желании видеть Город. И мы автобусом, вдоль Дома Инвали-

дов, по Александра, вроде Третьего, мосту, смогли попасть на Елисейские Поля.

(В дальнейшем будет чистый нарратив сквозь преломление всех призм постмодернизма. Причем без знания, что есть исходный смысл. Если рассказывать балетным языком. Но, полагаю, все же лучше человеческим.)

Хмельной эффект l'air de Paris был вскрыт потом. Но наша группа как-то сразу рассосалась. Исчез куда-то наш Чайковский с нашей визой. За ним, по двое или по трое, другие. Всех поглотила эта сказочная ночь. Чтоб подарить, что будет каждому по вкусу.

Так мы с приятелем и чудной балериной, одной из самых знаменитых наших прим, за эту ночь мы облетели целый город. Я до сих пор особо помню Нотр Дам, так впечатливший нас и в целом, и в деталях. Что до химер – они и вправду оживают, лишь только долго очень пристально смотреть.

Мы были всюду – есть ли смысл перечислять, тем самым сваливая память в одну кучу? Потом рассвет, такси до «Хилтона», и спать.

К подъему выдернул нас трехэтажный мат, который вырвался из трубки телефона. Смысл был понятен – ментально быстро в холл, так как и так, считай, мы снова опоздали. И грохотало так, почище грома Анд.

Потом уж в холле кто-то молвил:

– Этот воздух!

– Да я ваще вам перекрою кислород, – вскричал наш кагэбэшник дядя Вася. – А то привыкли в заграницы разъезжать.

Все пассажиры рейса раннего Эр Франс обозревали нас с великим удивленьем. Несносных русских, что заставили их ждать.

Но мы запомнили тебя, l'air de Paris.
И в Шереметьеве, уже садясь в такси, я вдруг подумал: «Неужели это всё!»
Приходят же порой такие мысли.

Внук звездочета

Поэма

1. Никитины отцы

*«Жизнь, – шепчет он, остановясь,
Средь зеленеющих могил, –
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок».*

Андрей Белый

В кино царил застой, и офис студии жил серо и уныло. Но атмосфера оживилась, когда явился господин с пригодным к делу предложением, поддержанным реальными деньгами. Снять фильм с им облюбованным сюжетом, задействовать в нем лучших из актеров – суть замысла, с которым он пришел. Платить готов был щедро, озабочен был лишь качеством картины, про кассовые сборы речь не шла.

Неудивительно, что отклик был горяч. Перебирали сценаристов, обзванивали видных режиссеров. Когда узнали, что снимать готов Кутасов, то успокоились – он все решает сам. Ведь у него была команда: свой продюсер, оператор, сценарист. И все артисты для него были свои: к нему известные охотно шли сниматься, а молодые находились под рукой – два года, как Кутасов создал курсы, где с избранными он работал сам.

Заказчик и команда вскоре встретились, и подпись договора состоялась. Едва получен был аванс, как началось. Срок сдачи не был установлен, финансовый лимит не удручал, переснимали дубль за дублем много раз.

Но вдруг однажды прозвучало: «Всем спасибо», – и съёмочный процесс был завершён. Смонтировали, сделали озвучку, просмотрели, Кутасов убедился – фильм готов.

Никита Салтыков, спонсировавший съёмки, решил премьеру показать в Геленджике. Гостей высоких обустроили на вилле, вальяжно прилепившейся к горе. А съёмочную группу заселили в пятизвездочный отель, и все возрадовались щедрому подарку: неделя сказочного отдыха, одна пресс-конференция, банкет в роскошном зале рядом с морем, гипотетическая премия, и все это за спонсорские деньги.

Стоял октябрь, могла испортиться погода. Но бархатный сезон не подкачал.

Ещё недавно этот щедрый Салтыков был лишь раскрученный дизайнер интерьеров. Он был небеден, если брать в своей среде. Востребован, и сделал себе имя, но был капризным и разборчивым, не брался за работу, пока не прожит предыдущий гонорар. В нем было этакое барство: здоровый, молодой, он лишь порой активизировался, рвался что-то делать, загорался, а большей частью был ленив, слегка рассеян и мечтал. Такой характер он считал наследьем предков. Супербогатство на него свалилось вдруг, не столь обрадовало, сколько удивило, точнее – обескуражило и вскрыло обстоятельства, сломавшие в Никите устоявшийся в нем мир.

Сначала мама Вера объяснила, кто был на самом деле кто на фотографии. Той самой, что была с Никитой с детства. Где Вера до рождения Никиты и с нею рядом двое радостных, сияющих парней. Им было там по девятнадцать, на фотографии в заоблачных горах. Они были спортсмены, альпинисты: совсем девчонка мама Вера, уверенный и рослый Салтыков, и лучший друг Семен Шапиро с насмешливой как будто бы улыбкой. И сам Никита где-то в недрах мамы Веры. Володя Салтыков тогда погиб. Никита вырос без отца, и с детских лет его влекла генеалогия.

Погиб Владимир Салтыков весьма нелепо. Он был в их группе самым крепким, тренированным, везучим. Он шел последним, сразу в спину мамы Веры. Никто не видел, что тогда произошло. Она сумела рассказать – ей стало плохо, Володя бросился на помощь, поддержал. И непонятно, как он рухнул с высоты.

– А мама твоя стала словно зомби, – рассказывала внуку баба Даша, растившая Никиту с малых лет. – Бывало, что ни спросишь, всё молчит.

Бабушка Дарья Николавна была матерью погибшего Володи. Ее супруг, ученый-астрофизик, двадцатью годами старше, работать Дарье никогда не позволял. Занятые женщины, считал, наладить дом, хранить очаг и обеспечивать уют. Закончила педвуз – наука в помощь в воспитании ребенка.

Дом Дарья обустроила отменно – родные стены, жизненный комфорт. И муж, и сын ухожены с любовью.

Ученого сразил инфаркт, вдова жила одним Володей. И вырос молодец на славу, да погиб.

Он был из тройки неразлучных, друзья их называли ВэВэС. «В» первое, как сказано, пропало, остались только Вера и Семен. Что девочка родит ребенка сына – откуда было Дарье это знать? Семен ей рассказал – нельзя представить, как с ума сошла тогда. Метнулась к Вере, та в роддоме, и молчит. Взглянула Дарья на младенца, сразу екнуло как будто – кровь родная. Такой малыш – ему нужна ее забота. Родители у Веры за границей. Что дергать, пусть работают свой срок. А Вера с мальчиком пусть будут у неё. Никиту в загсе записали Салтыковым.

В таких условиях Никита вышел в свет. Родить ребенка Вера родила, но заниматься с ним особо не горела. И тут включилась Дарья Николавна. Ее сподвиг не только опыт и педвузовский диплом.

Недремлющее око бабы Даши било в цель – Никита рос благополучно. А мама Вера появлялась, исчезала и

где-то обособленно жила. С ней появлялись то друзья, а то мужья. Что требовалось сыну сверх программы, все это исходило от неё. И педагог по рисованию (Никита с малолетства увлекался), и тренер – пусть мальчишка любит спорт, и англичанин – let him know English better, дантист – чтоб голливудская улыбка, и даже гуру – настоящий мудрый йог.

Что значит, что ты родом Салтыков, Никита узнавал от бабы Даши.

– Ты сам, Никита, родом из дворян. Вельможи, люди, близкие царю – вот это, вероятно, твои предки.

– Так, бабушка, они же и твои.

– Нет, что ты, я простая Иванова. А Салтыковым по рождению был твой дед. Гордись и постарайся быть достойным.

Салтык по-тюркски – любящий порядок. Есть варианты – нравственный, хромой. Одно без вариантов – русский барин.

Чем привлекла генеалогия Никиту? Что можно её мерить на себя. Какой конкретно они ветви, он не знал, и это ширило доступный мир фантазий. Род Салтыковых сплошь из правильных людей.

Однако и меж ними крылся монстр – кровавая красотка Салтычиха. Блистала в свете, обладала состоянием и набожна была, но за фасадом крылась жуткая изнанка. Лет в двадцать с чем-то овдовела, стала вольною хозяйкой и принялась тогда увечить крепостных. Не меньше сотни их сама поубивала. Прибить поленом, иль ошпарить кипятком – для Салтыковой были детские забавы. Бесчинства делались с годами все страшней. Конец положен был вмешательством царицы. Вдову поставили к позорному столбу с дощечкой «Душегубица» на шее. Потом до смерти просидела в одиночке. Хрестоматийно одиозный персонаж. И звали ее Дарьей Николавной.

Никита бабушке однажды и сказал:

– Я удивляюсь – у тебя такое имя. И дед – Глеб Алексеич. Как тогда.

– Всё в точности, зеркальность аналогий. Твой дед, безотносительно к любви, был счастлив, что я Даша Иванова.

– Выходит, это был эксперимент?

– Частично. Все с позиции науки. Злодейку звали Дарьей, Глебом звался ее муж. Так наш Глеб Алексеич был уверен, что сходство именами ерунда. Как лодку назовешь, так поплывет – какая, говорил он, ахинея. Вот я, к примеру, Дарья Салтыкова, и что, должна кого-то убивать? Каренина Толстого говорит: «Как странно, что вы оба Алексеи!» Что в имени тебе моем, скажи?

Чуть поразмыслив, баба Даша досказала:

– Разборка с Салтыковой – показательный процесс. Острастка, чтобы не было повадно. Такие были, милый, времена. Екатерина шла по трупам на престол. Чтоб утвердиться, ей потребовалась жертва. Тут подвернулась Салтычиха, больше прочих уязвимая из знати. Судили эту барыню, злодейкою в историю вошла. Екатерина же потом – дворянам милости, общение с Вольтером, просвещенная царица. А Запад? Как он нынче измелчал! С кем философствовать? С Ван Даммом? С Депардье?

И завершила разговор, пожав плечами. Расплывчато все так в далеком прошлом. Да и новейшая история – туман.

Глеб Алексеич, дедушка Никиты, ученый, член-корреспондент, по разнарядке был объектом привилегий. Академический паек прервала смерть. Квартира же в высотке, да и загородный дом, отстроенный на выданном гектаре, по предписанию остались за вдовой. И стали гнездами Никитино детства. Он называл их «Красный Лермонтов» и «Черная дыра».

Московский дом – по совокупности: от станции метро, что находилась сбоку здания, и от великого

поэта, рожденного как раз на этом месте. Представьте – «Красные Ворота», рядом сквер и грустный Лермонтов с цитатой на изгибе постамента: «Москва! Люблю тебя, как сын. Как русский – пламенно и нежно».

– Вот так и Лермонтов, он с бабушкой рос, – сказала как-то Дарья Николавна.

– В высотке? – поддержал беседу внук.

– Да что ты. Здесь когда-то был их дом. А жить им нравилось в имении Тарханы.

– Тарханы? Абсолютно непонятно. Другое дело – Черная дыра.

С таким названием был их загородный дом. Как говорят – с подачи Глеба Алексеича. Когда затеивалась стройка, он был немолод, но ходил холостяком, ананоретом, жившим физикою звезд. Строительством он сам не занимался; приехал, как узнал, что дом готов.

Что впечатлило первым делом – убедительный забор, что капитально опоясывал участок. Ученый оценил:

– Непроницаемый, как горизонт событий.

Весь в мыслях о работе, астрофизик и все в доме разбирал ему привычным языком. Твердил про силу гравитации, про сильно искривленное пространство. А у камина, что в гостиной, подытожил:

– Ну, прямо-таки черная дыра!

Когда спросили, что это такое? Он только усмехнулся:

– Кабы знать!

Ведь это было его темой, его камнем преткновения – отгадывать загадки черных дыр. Не жалко жизни тайны мира изучать.

Поселок был элитный, разумеется, имелся комендант. Вот архитектор и поведал коменданту:

– Ваш Салтыков немного странный. Спросил его: «Понравился вам дом?» А он в ответ мне: «Черная дыра».

Внезапное название прижилось.

Обвенчанный с наукой, Глеб, наверно, так и прожил бы свой век холостяком, но, к счастью, он однажды встретил Дарью.

Ей говорили:

– Он тебе в отцы годится.

Она же отвечала:

– Ерунда! С его харизмой! Меня к Глебу так и тянет. Я люблю его. Нет! Я его люблю.

Потом она любила повторять:

– Соединила меня с Глебом гравитация. Он зарядился от объектов, черных дыр, в которых дьявольская сила притяженья. Таятся во Вселенной и засасывают всё. И Глебу доверяют свои тайны. Как он приник ко мне с космической силой – могла ли я, представьте, устоять?

За свадьбой через год родился мальчик.

Чего греха таить – ребенок радовал. Здоровый, энергичный, любознательный, общительный, и прочее со знаком тоже плюс. Похож на Дарью, но в brutальном варианте. В младенчестве с ним занималась мать. Когда подрос, включился и отец, выкраивавший для Володи окна. Учился мальчик хорошо, с друзьями ладил, на их фоне не особо выделялся.

Глеб Алексеевич считал, что это плохо. Он был поклонник Ницше, избегал всегда влияния толпы. Сверхчеловеком стать он сам недотянул. Но, не избыв в себе зародыш этой темы, теперь надеялся взрастить его в Володе.

Он не печалился, что сын пока, как все. За шахматами, в длительных беседах он убеждался, что Володя мальчик умный, может мыслить нестандартно, и не расплывчатый мечтатель, а боец. Что в школе не из первых, в том заслуга мамы Даши, советовавшей сыну:

– Будь скромней. Не каждому дан папа-академик.

Сам академик с просвещением Володи не спешил, разумно рассуждая – не пора. Но вдруг его как будто

подхлестнуло, и, с вспыхнувшим внезапно опасеньем не успеть, он стал доходчиво рассказывать подростку, что дал его душе болезный Ницше. И, главное, вручил заветный ключ, что спрятан в притче про верблюда – льва – ребенка:

– ДУХ, скажем, изначально, он – верблюд, и остается таковым у большинства. Он впитывает все, со всем согласен.

Но обособленное нечто рвется выпасть из толпы. Отсюда бунтари и отщепенцы. ДУХ этих смельчаков – рычащий лев, попробуй обуздать его свободу.

Льву надо уничтожить все кругом, тогда ДУХ полностью готов для новой жизни. И в этой новой жизни он – дитя.

Проблематично осознать в пятнадцать лет. Однако юный ницшеанец что-то понял и как-то вечером ответил отцу:

– Верблюдом не хочу быть и не буду. А дальше уже будем посмотреть.

Перелистаем, что случилось в этом дальше.

Глеб Алексеич заспешил тогда не зря – той осенью он умер от инфаркта. Володя сильно изменился – стал заносчив, необщителен, суров. Подался в спорт, всю выкладывался, бегал и качался, упорно плавал, любил велосипед. Налег на точные науки, чтобы стать в какой-то мере продолжателем отца. Друзей подрастерял, вздохнул свободней.

Прошло три года. Из стандартного подростка вырос мощный независимый атлет. От множества друзей осталось двое. Шапиро тоже жил в высотке, вместе бегали, друг другу не мешали. А Вера, чудо-птица из строенья в тупике, что назывался тоже Орликов, как и ведущий от вокзалов переулочек, была к дуэту дополнительным звеном. Легко прослыть за неразлучных, общаясь лишь между собой, не уделяя прочим должного вниманья.

Потом была трагедия в горах.

Теперь к Никите: жизнь его была вольготна. Ни Кантом, ни Бердяевым никто не загружал. Он кончил школу, следом – Строгановский вуз, определился как дизайнер интерьеров. Первоначально, для исходного толчка, заказчиков сыскала мама Вера, в друзьях имевшая солидный контингент. Что эффективнее любых рекомендаций, как не наглядный убедительный пример? Два-три весьма успешных проекта, и результаты налицо – клиент пошел.

Никита смело перешел в большую жизнь. С жильем все, слава деду, было в норме. Хозяйством занималась баба Даша, всё успевала и старалась не мешать. В двадцать три года, как итог любовных проб, Никита Салтыков уже женился. Всё обустроилось нормально, время шло.

Но вдруг, когда Никите было тридцать, внезапно позвонила его мать. Сказала – нужно срочно повидаться. При встрече информировала сына, что общий друг Шапиро умирает, а он как раз и есть его отец. Никита вырос на руках Семена Борисыча, но быть его ребенком – чересчур.

– Все точно, – Вера грустно улыбнулась, – мы делали анализ ДНК. Я не развратница, надеюсь, что ты знаешь. Владимира любила, а с Семеном как-то раз. Диагноз беспощадный, он уходит. Судьбе без разницы, что он миллиардер. А про тебя он с давних пор меня пытал. Сейчас, когда такое дело, выпытал, пусть легче ему станет перед смертью. Но я-то честно полагала – ты Володин. Поехали к Семену, он так плох.

Никита так был ошарашен, что молчал. Они поехали, свиданье обошлось без мелодрам. Семен Борисыч, очень маленький, усохший, предвосхищая разговоры, рассказал:

– Запомните название – феноптоз. Это гипотеза запрограммированной смерти. У каждого внутри есть не-

кий таймер, им управляет персональный генокод. Ваша болезнь, мне говорят, была в программе, и ваши клетки обернулись против вас. И никакие мои деньги не поборют мои раковые клетки. Осталось только подвести черту.

И, выбравшись из кресел, произнес:

– Любой отец бы мог гордиться таким сыном, и я, Никита, счастлив, что ты мой. Нет перспективы – уделить тебе внимание. Но в твоих жилах протекает моя кровь, и в моих силах быть в твоих воспоминаниях. Я уже начал кое-что, юрист расскажет. А в завещании ты под номером один.

Никита только и сказал тогда:

– Так странно. Я должен как-то это осознать.

И вечером поехал к бабе Даше. Он рассказал ей о неожиданном повороте, и, к удивлению, не застал её врасплох. Она невольно усмехнулась:

– Вот те на! Пертурбация со сроком в тридцать лет. Я и тогда предполагала что-то такое. Малышка Вера, и заботливый Семен, и одинокая вдова с большой утратой. Потом – намеки на Володино отцовство. Она кукушка по природе, твоя мать. И твой Шапиро, взявший в жены дочь министра, отмежевался: его дело сторона. Я, посевшая, оплакиваю сына, и возникает вдруг малыш новорожденный, и, есть предположение, даже внук. Прости, если бывало что не так. Мне в ум не шло проверить ДНК. Да и какая, будем искренними, разница. Ведь ты, Никита, самый мой родной. А жизнь, она вмещает много жизней, тебе ли, как художнику, не знать. Ты прожил тридцать лет, как русский барин, теперь узнаешь, что такое олигарх. Шапиро вздумал поделиться? Что же, пусть. Мы не бедны, но денег лишних не бывает.

– А я-то ее думал утешать! – сказал Никита, обнимая бабу Дашу.

Смерть, нависая над Семеном, не брала его к себе, ссудив возможностью все важное успеть. При нежела-

нии Никиты стать преемником в делах, Шапиро продал свой могущественный бизнес, купил взамен пакеты твердых акций, дающих убедительный доход. Бывшей жене он перевел солидный куш, тем исключив из претендентов на наследство. И, заявив официально, что Никита его сын, составил в его пользу завещание. Все сотни миллионов его денег, дома в России и Европе, огромный парк автомобилей, представительскую яхту, персональный самолет – все предстояло унаследовать Никите.

Закончив все дела, Шапиро умер. Никита же вступил в другую жизнь.

Не столько бешеные деньги, не краса особняков – его пьянила обретенная свобода. Взамен работы на других он сам в мгновение ока стал заказчик. И убедился, как же это хорошо.

Чего не сделал вдруг возникший и утраченный отец, так не открыл ретроспективу своих предков. Кроме родителей Семена, благовоспитанных людей, с которыми встречалась баба Даша, свидетельств не имелось ни о ком. Пытливо, обратясь к национальности, Никита принялся хоть что-то узнавать. Оставив на потом осилить Тору и Талмуд, он, как и с прежним своим папой Салтыковым, затронул исторический аспект.

И повезло – он вскоре вышел на Шафирова, крещеного еврея, богача и дворянина, министра и соратника Петра. Добром помянутый еврей Петра Великого. Как вариант – вполне возможный прародитель.

А далее сработал гончий раж. Никита выпрыгнул из рамок только поисков родни и обнаружил поразивший его факт: поэт прикончил деятеля красной революции. Палач и жертва были чистые евреи. Когда поэта задержали, он сказал: «Для нас убитый мной мерзавец не еврей. Он – отщепенец. Я застрелил его, чтоб имя русского еврея не марал». Коллизия из ряда просто вон. Никите сразу захотелось сделать фильм с особым ракурсом

еврейского вопроса. Отдав все полностью на откуп режиссеру, не получил в итоге то, чего хотел. Однако лента оказалась интересной.

2. Как Каннегиссер смог Урицкого убить

*Люба моя мне буква «К»,
Вокруг неё мерцает бисер.
И да получают свет венка
Бойцы – Каплан и Каннегиссер...*

Константин Бальмонт

С наплывом прессы и гламурных персонажей дремавший в неге Геленджик вдруг оживился, будто принял «Кинотавр». До виллы же Шапиро в respectable районе этот суетный настрой не долетал. Гостей приехало немного, всё недавние Никитины друзья, как он расценивал – не чуждые искусств. Их познакомила с Никитой Яна Граве, с которой с некоторых пор Никита жил. С женой Натальей он своей не разводился, а просто, как бывает, разошлись. Женат он был на балерине с удивительной фигурой, красотой и лютой ненавистью к всяческой работе. Ей появившиеся деньги открывали новый мир. И позволяли бросить к черту свой глухой кордебалет, а, переехав в город Лондон, в апартаментах, обустроенных Шапиро, царить обиженной жертвою интриг.

Никита не был слишком против, с оговоркой – без него. Любовный пыл давно в их браке поугас, и ничего им не мешало жить раздельно.

Зато с Натальей подружилась мама Вера. Она представила ей светский русский Лондон, летала с нею на Гоа, а иногда, связавшись с Дарьей Николавной, они навевались в Черную дыру. Жизнь тем и хороша, что есть контрасты.

Вот и Наталья с Яной Граве, разумеется, что были антиподы. Взамен сильфиды, переехавшей в туманный Альбион, Никита сблизился с продвинутой вакханкой.

В театре прыгавшая в массе лебедей, Наталья только и мечтала бросить сцену. Не откреститься от балета, а заняться им вольготно для себя, тем сохраняя гордый имидж балерины. Она и в Лондонской квартире, даже в Черной их дыре, везде поставила балетные станки, установила зеркала и, совершая экзерсисы на глазах видеокамер, потом с пристрастием смотрела на себя со стороны. И корректировала, чтобы быть красивой.

Но вне корректировки ее вечный прагматизм из романтической прежде феи, грезы юношеских снов, с годами сделал из Натальи очень замкнутый и жесткий экземпляр.

Напротив, Яна Граве, с чересчур надменным видом, та на поверку оказалась экстраверт. Рожденная в Нью-Йорке, где отец, ещё российский в тот период бизнесмен, заблаговременно купил для них квартиру, она в Америке так с мамой и жила. Не зная лиха ни считать, ни экономить. Откуда деньги? Что вопросы задавать.

Большой красавицею Яна не была. В отличие от Натальи, с её четкой эталонной красотой и отработанной грацией движений, девица Яна, с детства любящая спорт, была немного угловата, что, впрочем, ей не ставили в ущерб. В ней был особый магнетизм: её остриженные волосы, чуть вздернутый и аккуратный нос, как и не портящие облика веснушки, все плюсовалось к обаянию, что крылось в её речи и глазах. Она не скажешь, что болтала языком, а убедительно, включив самоиронию, то удивляла всех рассказом, то ошарашивала даром рассуждать. Закончив колледж, следом – университет, аккумулировав поток полезных знаний, девица бросила системную учебу и перешла в свободно-выборочный дрейф. От предков, урожденных москвичей, в ней под-

сознательно дремала связь с Россией. Переместившись в старт двадцатого столетия, она влюбилась сразу в русский авангард, потом – в поэзию Серебряного века. Ее манила, опьяняла атмосфера, к которой не было пути сквозь интернет, но помогли воссоздать пускай немые, но живые документы, что сберегал в себе Бахметевский архив. Начав захаживать туда, однажды Яна повстречала там Никиту.

Что мускулистые бой-френды, что все папины знакомцы-женихи – против художника с историей, с душой, остро жаждущей познания? В неполных двадцать восемь, возраст Яны был таков, она созрела для серьезности в любви. Ну, а Никита, в свои полных тридцать пять, как пылкий мальчик, полюбил американку. Само собой – он ей рассказывал про фильм и пробудил в ней интерес к материалу. Она сказала: «Это можно обсуждать».

Давайте глянем историческую справку:

Год восемнадцатый. Двадцатый, прошлый век. Тридцатое число, в исходе август. Два покушенья на убийство в один день. И оба на вождей большевиков.

Факт первый. Дело утром. Петроград. Поэт и юнкер Каннегиссер точным выстрелом в упор убил Урицкого, наркома Петроградского ЧК. «Чтоб имя русского еврея не марал», – так комментировал убийца свой поступок. Решение ревкома – расстрелять.

День тот же. Хмурым вечером. Москва. Рабочий митинг на заводе Михельсона. Фанни Каплан, сторонник партии эСЭР, стреляет в Ленина довольно много раз. Вождь ранен, Фанни схвачена в момент. Вину не отрицает. Казнена.

ВЦИК реагирует воззванием: «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ», призывом к массовому красному террору.

Никита выбрал в фильм двух действующих лиц:

Л. Каннегиссер, состоявшийся убийца. Потомок видного семейства, даровит, настроен романтично, обра-

зован. Художник слова, стихотворец, эссеист. Поэт из круга Михаила Кузмина. Ориентация на секс – открытый гей. В стихах – религиозность, даже жертвенность. Местами – экстатический накал:

*Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню – Россия. Свобода.
Керенский на белом коне.*

Мотив к убийству – это месть за Перельцевейга, большого его друга в тот момент. В. Перельцевейг крутился в группе офицеров, нацеленных смести большевиков. И был расстрелян по приказу ПЧК. Приказ прошел за подписью – Урицкий.

Ремарка: М. Урицкий не подписывал приказ. Он был из редких членов РСДРП, кто не поддерживал расстрелов и репрессий.

Теперь застреленный Урицкий, Моисей. Рожден в купеческой семье, учил Талмуд. Религиозно (в лучшем виде) образован. Старательно учился, стал юристом. По документам – деловой и адекватный. По экстерьеру – некрасив, почти урод.

Вот как писал о нем когда-то некто Зубов:

«...Сидело существо отталкивающего вида, поднявшееся, когда мы вошли; приземистое, с круглой спиной, с бритым лицом и крючковатым носом; с малюсенькой, без шеи головой, оно напоминало чем-то жабу. Хрипящий голос походил на свист, казалось – изо рта стекает яд».

Как ни приглядывайся, видом нехорош. Но Каннегиссером убит не за уродство.

Фатальный промысел, столкнувший этих двух – вот предлагаемая фабула для фильма.

А что до Яны – ей важней была Каплан. Как арт-явление, достойное вниманья.

Да – анархистка, да – сторонница эСЭР. Да – нетерпимый, злейший враг для красной своры. Но эти выстрелы? Но попаданья пуль? Как это мыслимо – она была слепа!

Каплан лишилась глаз в шестнадцать лет. Когда заряженная бомба для терракта разорвалась у Фанни чуть ли не в руках. И результат той тяжелой травмы – слепота. Каплан контуженной предстала пред судом, приговорившим анархистку к смертной казни. (Пожизненная каторга – смягченный окончательный вердикт).

Потом, незрячая – по каторгам, по тюрьмам, одиннадцать почти что полных лет.

Затем – свобода, год семнадцатый, февраль. Глазная клиника, г. Харьков, доктор Гиршман. Успех хирурга – она видит очертания. Настолько тягостные – лучше не глядеть. Но внутренний устой – она боец. Вот и приехала к заводу Михельсона.

– Ну, полный, говорю я вам, театр, – чуть вникнув в материал, сказала Яна. – Всучили этой Фанни пистолет, наковыряли из вождя как будто пули. Калибр не сходится – какая ерунда. Стрелять? Повсюду бой – давай стрелять. А вот попасть – уже из области Гудини.

– Что говорить – Каплан держалась до конца. Ну да покончим с ней – важней свои вопросы. На что нацелен в фильме объектив? На честь всего еврейского народа. Задача: абстрагировать момент и культивировать в нем главное – поступок. Как Мцыри Лермонтова – всё бежит, бежит, и снова прибегает в ту же Мцхету. Утратил путеводный он свой луч, навеки разлучен с его народом. А Каннегиссер, он свой луч не потерял. Он не раздумывая встал за свой народ, пошел на смерть и стал в истории героем. Я горд, что я Шапиро с энных пор.

– Take care – это очень скользкий путь. Твой Каннегиссер – он был явный психопат. И содомит, как тут указано в архиве. Самоубийством жизнь покончил его брат. Сам Леонид, он тоже был неадекватен. В друзьях – то Сомов,

то – Кузмин, а то – Есенин. И у Цветаевой – все Леня да Сережа. И уточняет: «Неразрывные друзья», «...и вижу их две сдвинутые головы в доверчивой мальчишеской обнимке...».

– Все записи Цветаевой – лишь миф, ей очень нравилась игра фальсификаций. Потом сама слюбилась с Софьей Парнок, хорошей поэтессой, «русской Сафо». В мальчишеской обнимке? Что с того? Обнимка – это вообще непорочно. Я с режиссером говорил, он глобалист, а не копатель обстоятельств личной жизни. Чем заманил его предложенный проект? Свободой от понятия *подробность*. И, подойдя концептуально, он нашел такой конфликт – два индивидуума, скрещенных в пространстве. А в глубине интриги – там взрывной заряд. Мой дед, он астрофизик, утверждал, что пустота на самом деле не пуста, она наполнена большим потенциалом. И коль частица, в данном тексте – человек, проникнет в пустоту по воле судеб, то заряжается энергией и сам в себе несет потенциал. Вот представляешь: Каннегиссер, пустота, потом Урицкий, как объект уничтоженья. В таком разрезе режиссер задумал фильм. Я, честно говоря, не очень понял.

– Не возражаешь, я с Кутасовым свяжусь?

– Какое – возражаешь? Буду рад.

Беседа с режиссером вышла странной. Что ожидаемо – все сухо, через скайп, без мало мальски личного знакомства. Она представилась, Кутасов стал живей. И рассказал, как он терзает всех студийцев, внедряя к роли правильный подход. Клял Станиславского и прочих иже с ним. Назвал Евреинова лучшим режиссером. Его воззрения на театр – вот где свет! Ведь театральность – это принцип бытия и, так сказать, презумпция культуры. Сверхутверждение всякой личности и стимул всех историй вообще.

– Экстраполируете это на кино?

– И нечего гадать – в полнейшей мере. Евреинов, он создал философию, реально объяснившую весь мир. А театральность – то один из постулатов.

Затем, без продыху, не дав все осознать, Кутасов тут же перекинулся к артистам:

– И не надеялся, что смогут так сыграть!

– А зритель, как вам кажется, пойдет?

– Наивнейший вопрос – обычный зритель? Актерам его надо презирать. Я со своими что обычно часто делаю – с задачей выпускаю их в народ. Скажу одной: Шарлотта ты Корде, и выпущу её искать Марата. Без крайностей – не надо убивать, а просто довести до должной грани. Ведь театральность – это жизненный инстинкт. А делать театр калькой жизни – преступление.

Так приблизительно прошел их разговор.

«Все надо уточнить», – решила Яна. И раздобыла сразу где-то том – Евреинов, раскрыла наугад и зачиталась. Потом Никите сделала рассказ:

– Кутасов интересно может сделать, поскольку он шизоид – that is true! Я вспомнила – Малевич говорил. Что не искусство отражением будет жизни, а отражением искусства будет жизнь. Запомни слово – театрализация. «Театра», вот, «лизация» всего – поступков всех и хода нашей жизни. Так заповедовал Евреинов, учил. Что до меня – все чересчур замысловато. И не для каждого, на избранных людей.

– Да бог с ним, с режиссером. Театральность? Меня заклинило – хочу отснять кино! Так что же не отснять, могу позволить. В честь столь внезапно обретенного отца.

– Потом – Евреинов! Вот тоже мне пророк. Хотите истины – припомните Шекспира:

Весь мир – театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

* * *

Вернемся к тексту: Геленджик, премьерный день.

Гостей, приехавших с Никитой, было трое. Все – русскоговорящие, живые, в искусстве, вроде, знающие толк. Приехав загодя, все в меру отдохнули, смогли воспрянуть для премьерной суеты. В то утро все сидели на террасе в расслабленной беседе ни о чем. А именно – о море, о России, о жизни, о сегодняшнем кино. Все знали ту картину обстоятельств, что Салтыков решил представить на экране. А Кларен Бадуэн, историк и русист, она так вовсе изучала тот период, всех знаменитостей и царскую семью.

Кино в России! Эйзенштейн, еще Тарковский – единственное, что было на слуху. А кто Кутасов с его собственной концепцией, услышали недавно в первый раз. Загадочно, что он там смог наснять.

Однако Яна, пообщавшись с режиссером и выяснив, что он совсем не прост, сочла разумным деликатно подготовить, а проще – снивелировать сюрприз. И вкрадчиво, с усмешкой начала:

– Наш режиссер, он самобытный чересчур. Его не трогают ни время, ни детали, ни помыслы, ни взгляды – ничего. Все повторяет без конца: «Ассоциация», надеется построить целый ряд. Его учитель, как считает он, Евреинов, пропущенный философ, режиссер. Мечтал о «театра» (слово трудное) «лизации», и много что о ней понаписал. Его заветы для Кутасова – как знамя. Кто знает? Может, будет ничего. Что точно – непременно позабавит.

– Выходит – это авторская вещь? Без должного внимания к персонажам?

– Не знаю, но боюсь, что это так.

Все будто призадумались, молчали. Мисс Кларен Бадуэн смотрела в горизонт. И вдруг так горячо заговорила:

– О, Господи, там столько материала! Какие личности, какой диапазон. И князь великий Костя Константинович. Он тоже гомо был сексуалист.

– Фильм не затронул этот личностный аспект. Как, думаю, и многие другие. Чуть потерпите, будем вечером смотреть.

* * *

И оказалось – режиссер и оператор, художник – в самом деле – мастера. Предельно выверено, на одном дыхании, без явных дырок, кадр за кадром шел сюжет. В обход Никитиной идеи героизма он вывел тему неизбежности судьбы. То были мелочи: убил – его схватили. И Каннегиссер никуда не убежал. Он просто неся – окрыленный, победивший, сломивший, что трудней всего, себя.

Никита видел – эта лента про другое. Но тоже, как и все, был впечатлен.

Был следующий шаг – пресс-конференция. Один из прессы чуть скептически спросил:

– А кто это, который там в плаще? В том кадре, где Урицкий умирает?

– Предельно ясно – это Меркадор, – как детям растолковывал Кутасов. – С ним рядом Троцкий, у убийцы – ледоруб. Конец Урицкого и взгляд на перспективы.

– А почему туда попал велосипед? – спросила одна дама с интересом. – И Каннегиссер – сколько можно разъезжать?

– Факт из истории – он брал велосипед! И мчался – это следствие погони. Зажав в руке уже ненужный пистолет.

И были прочие вопросы в том же роде. Непережеванные факты, прошлый век. И лишь в конце возник вопрос по существу: «А где же, извините, здесь Евреинов?»

Кутасов оживился:

– Да везде! И в фильме, даже здесь, на конференции. Куда ни глянешь – всюду рядом театральность. Мы не вникаем, не даем себе отчет. Талдычим все бездумно – это жизнь. А жизнь – она, поверьте, сверхзадача, и надобно суметь её сыграть. При должном, если есть, воображении. На подсознании всегда играют все. С ничтожной, правда, долей успеха.

* * *

– Ты всё мне повторяешь – вот утопия, – сказала Яна, покосившись на Никиту.

Он только что и делал, как молчал.

– Но не для всех, как ни верти, и не всегда, – почти втолковывала Яна свою мысль. – Приходит для кого-то как-то миг, когда весь гул, совсем не нужный, *затихает*. И персонифицированный дух, к примеру – зла или добра (не суть, как важно), сознательно ступает первый шаг, из сумрака *выходит на подмости и прислоняется к дверному косяку*.

А что случится, не случится – неизвестно.

3. Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего

Хоть роза сорвана, но запах еще есть.

Семен Надсон (неточная цитата)

Вернемся к Дарье Николавне – годы шли, она как будто вовсе не менялась. С прямой спиной, с упрямо-гордой головой, с еще красивым и несморщенным лицом, с довольно легкой не по возрасту походкой – никак не скажешь, что ей семьдесят шестой. Она бывала и в Америке, осматривала Лондон и Париж, но всё по-прежнему жила одна в Москве, не представляя себе жизни за гра-

ницей. В квартире в «сталинке», в их загородном доме – везде царил порядок, был уют. И дух готовности всегда принять гостей.

Что до Никиты, он, конечно, был не гость. Как Дарья полагала, он здесь жил, и только ездил без конца в командировки. Пускай на месяц, на неделю, хоть на год.

Кто были гости – так Наталья с мамой Верой. Они накатывали в год не раз, не два, когда им требовалась смена обстановки. И, предпочтительно, как правило, зимой.

От многочисленных тусовок, суеты переместиться в одночасье в глушь, в Россию – скажите, разве это не мечта?

В надежной крепости (как Черная дыра), за охраняемым забором в теплом доме (бревенчатые стены и камин), и никого (поскольку Дарья там, в Москве), и отдохнуть, и подурить, и разгуляться – скажите, разве это не мечта?

Гулять по девственному снегу, насладиться русской баней, выпить водки, скушать щи, напиться квасу и отведать расстегаев, гонять чай из самовара, оторваться, отрешиться, и т. д.

А поутру Наталья шла в балетный зал. К концу занятой походила мама Вера. И там же, в зале, пили утренний свой чай.

Они и вправду были близкие подруги и не скрывали друг от друга важных тайн.

Теперь конкретно – что случилось той зимой.

Никита с Яной после выпуска премьеры поехали осматривать Кавказ. А в декабре собрались ехать к бабе Даше.

Шагаем дальше.

На дворе стоял ноябрь, когда Наталья с неизменной мамой Верой, возненавидев этот мокрый город Лондон, приехали в их Черную дыру. Поотдыхали, собирались

уезжать, когда последовал звонок от бабы Даши. С благом известием: Никита должен быть.

– Мне надо ехать, повидаться в другой раз, – без промедления откликнулась Наталья. Поскольку знала, что Никита не один.

– А я, пожалуй, всё же задержусь, – чуть поразмыслив, среагировала Вера. – В какие веки сына повидать.

– И хорошо, – сказала Дарья Николаевна. – Я выезжаю к тебе в Черную дыру. И сообщу Никите – мы их встретим там.

Наталья улетела тут же днем, а Дарья к вечеру была уже на месте. И уточнив, что рейс Никиты будет в срок, она отправила водителя встречать. Вера устроилась в каминной и ждала. А Дарье вздумалось пойти пройтись по дому, чтоб лично убедиться, все ли так.

В гостиной возле комнаты Натальи на столике был чей-то ноутбук. Она проверила – он был не запаролен. Включила сразу, чтобы ясно было – чей. Сомнений не возникло – он Натальин.

И кликнула случайно: «Диск» (смотреть).

Сначала она просто удивилась: подруги на экране пили чай. Беседовали очень откровенно. Смотреть неловко, оторваться нелегко. И Дарью поразила остро тема. Она затрагивала близких ей людей. А Вера просто осветила ряд событий. В таком ключе, что можно лишь остолбенеть.

Но не для Дарьи Николаевны – её случай был не тот. Не отпуская ноутбук, она буквально полетела к маме Вере. И подлетела к ней с вопросом: «Это что?»

– Не знаю. Очевидно – ноутбук, – сказала Вера, уже чувствуя тревогу.

Дарья усилила вопрос:

– Так это правда?

И, среагировав на шепот: «Вы о чем?» – она ответила мгновенно:

– О Володе!

Тут Вера наконец-то поняла, мгновенно вспомнив разговор вчера за чаем. А этот видеомержавец все писал! Какая глупость быть такой неострожной!

И с криком: «Пропустите, я уйду!» – она пыталась добраться к двери в холл.

– Ну нет, голубка Вера, подождешь, – и Дарья резко перекрывала путь отхода. – Пускай Никита поглядит в твои глаза. Послушает, что ты еще расскажешь.

И напряженная, с тревожным ожиданием, в каминной воцарилась тишина.

Меж тем погода, что так хмурилась с утра, под вечер разразилась снежным штормом. Порывы ветра были резки и сильны, и то и дело изменяли направление. Снег сыпал из бездонного ведра и уничтожил даже видимость дороги.

Одно лишь утешало – тот тупик, что напрямую проложили к ним от трассы. Поскольку старая дорога за овраг давно уже была небезопасна. Подъезд же новый был в четыре полосы, под стать снегоуборочной машине. И, лишь засыплет, сразу будут расчищать.

Для вездехода, что был послан за Никитой, с дорогой было минимум проблем. И Яна радовалась снегу и метели.

Они входили в занесенный снегом дом, и удивлялись, что никто их не встречает. И услышали голос Дарьи:

– Мы в каминной.

И снова воцарилась тишина, чтобы нарушиться, когда они вошли.

– Ты извини, Никита, что с порога прямо, но выяснилось – есть один вопрос, – решительно сказала баба Даша. И протянула ноутбук:

– Вот, посмотри.

Никита с Яной – они слушали, смотрели. Мы просто перескажем диалог.

– Тебе с Никитой явно повезло, – промолвил приглушенно голос Веры.

– Какое – повезло, он был теленок. Кто знает, что он вздумает теперь, – весьма решительно ответила Наталья.

– Да, верно, скоро будет матереть. Что неизбежно – при таком его отце.

– Семен Борисович? А в нем-то что такого? Я не заметила. Хоть, правда, он болел.

– Шапиро? Бог с тобою, не смеси.

– Как – не Шапиро? Там же было ДНК.

– Всегда найдется множество знакомых, помогут подготовить документ. Семен терзался: столько денег, нет детей. И я сказала, что Никита его сын.

– Он, получается, и вправду Салтыков?

– В полнейшей мере, мне бросается в глаза. Шапиро рыхлый был и, в принципе, слабак. Ну, а Никита – просто увалень, ленивый. А поглядеть – он весь в папашу, богатырь. Я что-то мерзну, влей мне рому прямо в чай.

– А что в горах произошло?

– То, что и должно. Владимир странный был, хотя на вид – орел. Такой породистый, девицы западали. Он – ноль внимания и вечно весь в себе. И совершенно другой случай – это я. Повсюду и в любое время рядом. Я раскудалась, орел не утерпел. Мы целый месяц куролесили, сношались. Ну, а потом он резко мною пренебрег. И заявил в горах: попрыгали, и хватит. И я его толкнула, он упал. Откуда знать, что со скалы, и разобьется? Но, честно, даже нечего жалеть. Уж больно был всегда высокомерен.

Компьютер выговорил все и замолчал. Еще слышнее стал снаружи дувший ветер. И ожидаемо раздался голос Веры:

– Ну, кажется, я полагаю, все. Дадите мне машину – я поеду.

– Что ж, поезжай, – проговорила баба Даша.

– Пускай водитель все же лучше довезет, – прохладно посоветовал Никита.

– Не привыкать, ведь я повсюду за рулем.

Прошло какое-то количество минут. И Вера выехала, верно, за ворота. И ветер, вроде бы, в какой-то мере стих.

В каминной же стояла тишина, как неожиданно им позвонил охранник.

– Она ошиблась, повернула на карьер! Что делать? Ехать вслед и развернуть?

Но Дарья с твердостью ответила:

– Не надо. Она надумала так ехать, ей видней.

А для Никиты, как бы ставя этим точку, договорила:

– Все мы люди. Бог – судья. Коль он сочтет возможным – пронесет.

И у Никиты тут же вырвалось спонтанно:

– Я, бабушка, люблю тебя, как сын.

А Яна Граве, зрелый плод образования, договорила механически:

– Как русский – сильно, пламенно и нежно.

Содержание

<i>Евгений Лесин. Нас не уронят.....</i>	3
«По Мясницкой по улице Кирова...»	9
«Когда подует ветер с севера...».....	10
«Не утомись сегодня туча, к нам дойдя...»	11
«Воистину бедствие – грозы...»	12
«Мораль моя и ценность интеллекта...»	13
«Зачем перелетные птицы летят...».....	14
«О, подлежащее, влекомое сказуемым...».....	15
«Пора сниматься, сядем на дорогу...»	16
«Мир рушился со скрежетом по швам...».....	17
«Ты помнишь ли, Анна, те встречи на Чистых прудах...».....	18
«За горы нас носило, за моря...».....	19
«В картинной галерее, что в Лаврушинском...».....	20
«Само собой не перемелется...»	21
«Не клеветчи, злодей отъявленный...»	22
«Тебя отрадно встретить снова...»	23
«О, книг божественных страницы – лепестки...»	24
«Что костры инквизиции мерзкие...»	25
«Фиоритуры – это лесь...».....	26
«Мой вымышленный друг совсем не рад...»	27
«Из театра представления...»	28
«В метро сегодня, окрыленные...».....	29
«Грядущих дней в остатке чисел мало верст...»	30
«Смятение в глазах и блеск отчаянный...».....	31
«Мой ангел, голубка моя!...».....	32
«Снег выпал только в феврале...»	33
«Не всё повально время лечит...»	34
«Где гуртом полчища вороньи...».....	35
«Те годы детские советские...»	36
«Я, заворачивая за угол...».....	37
«Кто вас придумал, плиты тротуарные!...».....	38

«Все в жизни надоело до черта...»	39
«В конце проспекта Мира у обочины...»	40
«Открой свои дороги, небо звездное...»	41
Анне Бру.....	42
«Святой Вертеп с волхвами у порога...»	43
«Никак Москва ликует?...»	44
«Он приближается – разглядывайте краски...»	45
«Забава с Новым Годом миновала...»	46
«Распутица – отнюдь не благодать...»	47
«Ночь пьяна и темна, замело все пути и дороги...»	48
«Снега забиты вьюгами в сугроб...»	49
«Спросите Даниила Хармса...»	50
«Поеду в деревню, наверно...»	51
«Если вы пишете слева направо...»	52
«Не будет ничего плохого...»	53
«Наверно, вьюга виновата...»	54
«На острове Шпицбергене не знают непогод...»	55
«Мальвина бежала в чужие края...»	56
«От туманного проблеска поздней зари...»	57
«В лесу у тихой заводи...»	58
«Ноябрь в последних числах на бегу...»	59
«Она сказала – наши отношения...»	60
«Как мы живем? Поужинать да спать...»	61
«О, сказки Гофмана! О, сказки братьев Гримм!...»	62
«Удар вне правил – всё знакомое...»	63
«Куда еще проще...»	64
«Если ты молвишь слово...»	65
«Где же ты, балерина, поэма экстаза?...»	66
«Зачем озвучивают счастье?...»	67
«Вот свечерее и представится...»	68
«Не ты ли меня приглашала, звала, заманила...»	69
«Не верю, что все, кто любили Матильду Ксешинскую...»	70
«У меня растут года...»	71
«Мы не грязь, мы алмазы в пыли...»	72
«И угораздило родиться...»	73
«Отнюдь не сахарный балтийский месяц март...»	74
«Ах, где вы, безумно-бессонные ночи...»	75
«Чего от жизни ждать хорошего?...»	76

«Одно окно. Я утром у окнас...»	77
«Уньлой зелени осенней...»	78
«Я ступаю на Аничков мост...»	79
«Вновь осенней тоски безголосица...»	80
«Минуло лето на листках календаря...»	81
«Скажите, чем оправдан суицид?...»	82
«Изъезжен город славный мой, исхожен...»	83
«Живут себе, не старятся...»	84
«Когда стал тягостен запой – синоним бедствий...»	85
«Ах ты, клен кудрявый, лист резной...»	86
«Я не стану отныне петь водке хвалу...»	87
«По камушкам, бродом, по камушкам...»	88
«Гиацинты, цветы традесканций...»	89
«Ой ли возраст ли, кризис, паскуда нога костяная...»	90
«У кошки Матильды её отбирают кот...»	91
«Та дама, нотариус Клава...»	92
«Что ж – полетели? – Полетим!...»	94
«Амстердам. Из криминальных хроник...»	95
«Мне голод не тетка, и черт мне не брат...»	96
«Как перо, обломившись в руке...»	97
«Если будет когда день рожденья...»	98
«Я не поеду в Алазанскую долину!...»	99
«Мне для решительного шага...»	100
«Так должно быть когда-то Тальони	101

Стихи белые

Хлеб, зрелища, и кое-что еще	102
За яростных мы пьем, за непохожих	105
Поверх текучих вод.....	108
И умирать в Париже нет желанья	111

<i>Внук звездочета (поэма)</i>	115
1. Никитины отцы.....	115
2. Как Каннегиссер смог Урицкого убить	126
3. Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.....	135

Литературно-художественное издание

Павел Козлофф

По Мясницкой по улице Кирова

Стихотворения

*Корректурa – Евгения Якимова
Компьютерная верстка – Алина Симонова
Дизайн обложки – Мария Ниязова*

Подписано в печать 13.07.2018
Формат 84x108/32. Гарнитура «CharterС»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 4,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 1324

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр. 1
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru